# ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ

# ЛОГИКА МОНОТЕИЗМА

ИЗБРАННЫЕ ЛЕКЦИИ

Мудрость ислама

Гейдар Джемаль

# Логика монотеизма. Избранные лекции

«Эксмо»

2021

УДК 28
ББК 86.38

**Джемаль Г.**

Логика монотеизма. Избранные лекции / Г. Джемаль — «Эксмо», 2021 — (Мудрость ислама)

ISBN 978-5-04-119381-2

В книгу включены тексты отдельных лекций и выступлений Гейдара Джемаля за 1998-2016 годы, а также наброски к масштабной работе о политическом исламе. Часть работ публикуется впервые, остальные доступны на различных ресурсах, но содержат неточности – часто незначительные, но порой встречаются расхождения с источником принципиальные. Материалы философского семинара «Традиционализм и профанизм» уже публиковались 20 лет назад в книге «Революция пророков», но на этот раз представлены в уточненной редакции. Тексты не связаны по месту и времени и были адресованы очень разным составам слушателей: от семинаров профессиональных философов до широкой исламской аудитории. Но каждый отдельный текст Джемаля сам по себе – это всегда школа мысли. Поэтому книга адресована всем самостоятельно думающим, «не боящимся головокружения» читателям. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 28
ББК 86.38

ISBN 978-5-04-119381-2

# Содержание

# Гейдар Джемаль
# Логика монотеизма. Избранные лекции

# Вступительное слово

Эта книга не может претендовать на всеобъемлющее и точное изложение темы, которую мы столь рискованно вынесли в название. Джемаля нет с нами, а составлять тематический сборник работ без автора, – зная, как он относился к собственному слову, представленному ему в печатном виде, – это было довольно самонадеянно с нашей стороны. Ведь Гейдар был очень требователен и не просто беспощадно сокращал попавшиеся ему тексты своих выступлений: закончилось бы все тем, что он бы просто изложил всего на нескольких страницах всё то, что нам представляется здесь «логикой монотеизма», – и наверняка объявил бы такой итоговый текст «ключом». И все равно нам пришлось бы поднять еще сотни страниц его наследия, пытаясь подобрать «ключи» к его «ключу», – так, собственно, и получилась эта книга.

Каждое наименование в Содержании – это отдельная лекция, не связанная с остальными. Все лекции читались в разное время в разных аудиториях. Несколько текстов надиктованы в домашних условиях. Поэтому помните, что перед вами – не цельная книга, а именно сборник выступлений Джемаля, подбор которых отражает скорее понимание и подход составителей к заявленной теме (нашего Кости Тараторина, в первую очередь). При этом очевидная самостоятельность – по времени и месту создания – каждого из текстов не сказалась на их логической связи, а встречающиеся повторы мы считаем несомненным достоинством книги: Джемаль возвращается к своим тезисам в разных контекстах и под разным углом, что облегчает читателю понимание авторской мысли.

И только под названием «Политический ислам в тезисах» мы рискнули объединить три незавершенных текста по одной теме. При всей очевидности их незавершенности и чернового характера, в этих набросках к так и не написанной им книге «Политический ислам» хорошо видна интеллектуальная мощь Джемаля, его способность к кратким и при этом исчерпывающим формулировкам, точной и всеохватной постановке проблемы. Так, в личной переписке Гейдара Джахидовича с предполагаемым издателем этой книги[1] мы обнаружили замечательный пассаж, достойный обнародования: «В исламском дискурсе есть специфика, которая может показаться экзотичной рядовому наблюдателю извне. Во-первых, этот дискурс крайне идеологичен и политизирован, – и так было всегда, все 14 веков истории ислама. В этом пространстве теологичность политики и политизированность теологии – норма. (Поэтому разговоры о том, что-де «некие силы прикрывают политические цели религией», идут, так сказать, «мимо кассы»: этой логики просто нет в исламе.) Во-вторых, ещё более трудный для стороннего восприятия момент: *в исламе нет прошлого*. То, что происходило в первые годы исламской истории, – это перманентно актуальный архетип, сакральная модель, которая вновь и вновь осмысляется как суть реальности, – причём именно текущей ежедневности. Нет временнóго зазора, нет перевода пластов истории в разряд легенд, святочных историй, в неактуальную архаику. С 622 года по Р. Х. (первого года Хиджры) мировая исламская община живёт в вечном настоящем, в современности, построенной раз – и до конца истории. Поэтому в моём плане [книги – *А.М.*] нет, собственно говоря, экскурсов в историю – только современность, заданная в своём содержании 1400 лет назад…» Вот он – джемалевский блеск мысли, способный одним тезисом, как вспышкой, озарить сложнейший дискурс, который разом становится понятен и близок! Думаю, вам понятно, почему мы не могли не опубликовать эти незавершенные черновые наброски.

Как и в предыдущем сборнике, многие из представленных текстов являются выступлениями автора в «специфической» среде философов, социологов, психологов и иных гума-

[1] Корреспондент Джемаля – Марина Трофимова, в 2014 году заведующая редакцией гуманитарной литературы ИД «Питер», СПб.

нитариев-профессионалов – «кафедральных», как их называл сам Джемаль. Кстати, интересно само отношение к Джемалю в академической (или всё той же «кафедральной») среде – изрядно, кстати, утомленной обилием «доморощенных» философов-любителей. У кого была возможность наблюдать со стороны общение Гейдара Джахидовича, к примеру, с сотрудниками Института философии РАН или преподавателями философского факультета МГУ[2], – складывалось впечатление, что чем выше и глубже профессиональный академический уровень специалиста, тем больше в нем почтения к Джемалю. Гейдар в совершенстве владел родным для «светских» философов категориальным языком и уверенно ориентировался во всех нишах понятийного поля, на котором самовыражался современный ему интеллектуал-гуманитарий.

При этом Джемаль был начисто лишен «академичности»: к примеру, он никогда не оформлял свои статьи и лекции надлежащим образом. Точнее сказать, Гейдар текстов своих выступлений чаще просто в глаза не видел: сам он предпочитал импровизации на основе короткого плана (и то не всегда), а на бумаге записи его речей позднее излагали энтузиасты. Поэтому статьи Джемаля не соответствуют академическим «канонам», ибо никогда не содержат, к примеру, библиографии, – при всём обилии в них отсылок, например, к Гегелю, Хайдеггеру, Витгенштейну или, извините, Марксу с Лениным. Иногда Гейдар Джахидович упоминает автора той или иной мысли или тезиса прямо, а иногда предполагает, что аудитория знает, о ком речь. Но в профессиональной среде этот его стиль возражений никогда не вызывал.

Но если, изучая интеллектуальное наследие Джемаля, сопоставлять текст и ту аудиторию, которой он адресовался, то становится очевидным: Гейдар как мыслитель во всей своей глубине, «по-настоящему», раскрывался в мусульманской аудитории (или предполагал мусульман как конечного адресата своего интеллектуального послания).

К сожалению, в русскоязычной исламской среде распространён своеобразный нигилизм в духе «философия – это куфр, философия – это лишнее». Подобный «конфессиональный догматизм» при ближнем рассмотрении оказывается не чем иным, как заимствованным из массовой культуры стереотипом об интеллектуале и пренебрежением к «высоким материям». Но сегодня формулирование исламской идеологии, исламской повестки дня в русскоязычном поле невозможно без использования в полном объеме категориального языка, который веками шлифовался и обогащался за пределами исламского мира, в отрыве от осмысления коранических истин. Забавно наблюдать, как, основываясь на чисто поверхностных ассоциациях, связанных, как им кажется, с философской «заумью», некоторые обвиняют Джемаля в «импорте» гностицизма или западной философии в ислам. Видимо, они полагают, что со времён перевода «Тысячи и одной ночи» словарный запас русского языка не менялся, – причем именно той части языка, которая имеет дело с исламской мыслью.

Еще одной проблемой является сложность значительной части текстов Джемаля. В этом случае «критиков» ведёт плохо скрываемое раздражение, – раздражение крыловской лисицы, которой зрелый виноград оказался недоступен. И уже совсем из области курьезов – попытки уличить Гейдара, например, в «евразийстве» или «традиционализме». А ведь Гейдар Джемаль просто уничтожил все эти довольно агрессивные умствования еще на подходе к русскоязычному исламскому интеллектуальному полю. Кстати, всегда легко выясняется, что «критики» в своих претензиях к вышеупомянутым направлениям оперируют аргументами, заимствованными у самого Джемаля, – правда, чаще через «пересказы» третьих лиц.

Интеллектуальное наследие Джемаля сделало русскоязычную Умму взрослее – с ней вырос и он сам.

Да, Гейдар Джемаль очень труден для понимания. Продираясь сквозь чащу джемалевских рассуждений, читатель рискует сорваться в изощренный интеллектуализм, пытаясь вос-

[2] В частности, с большим уважением о Гейдаре Джемале как философе отзывался недавно скончавшийся декан философского факультета МГУ профессор Владимир Миронов, член-корреспондент РАН.

создать мысленно – «по Джемалю», как он полагает, – некую «горнюю» реальность. И попадает в ловушку. Потому что Джемаль не описывает нам некую «высокую» реальность, которую нам надо «постичь». Джемаль скорее описывает нам саму работу мысли по прорыву в новое сознание, постижению непостижимости того, что за пределами онтологии, и постижению причин этой непостижимости. Он называл это «изучением обратной стороны мысли». Джемаль считал центральным направлением в своих исследованиях познание человеком возможностей и условий собственного познания, изучение самого мышления, а не постижение неведомых «объектов».

Надеемся, что книга поможет читателю вновь преодолеть содержание собственного сознания. Ведь человек как «интеллектуальный наместник Всевышнего» обязан (!) в своем мыслительном процессе отражать Провиденциальный Замысел – именно это пытается донести до нас Гейдар Джемаль.

*Ахмед Магомедов*

# О методологии мысли в Исламе

*19 августа 2012*

Сегодня главная проблема исламского политического движения – это способность чётко и ясно формулировать повестку дня, формулировать исламскую идеологию. Нужно понять однозначно, что исламская идеология – это не просто повторение теологических позиций в догматической форме, а это способность внятно изложить принципы своей веры на языке современной философии.

Или если кому-то не нравится слово «философия» и оно кажется «не исламским», то можно сказать так: *категориальная логическая мысль*. Мусульмане обязаны излагать свою веру, свою концепцию, своё понимание реальности не на специальном «конфессиональном», догматическом языке, а на языке *категориальной логической мысли*. Это не возврат к Аристотелю, не возврат к Платону, не возврат к первым векам исламской истории, когда масса новых интеллектуалов исламского мира была увлечена Аристотелем, называла его «Учителем»: была школа восточных перипатетиков, где уходили очень далеко от коранического учения о реальности – вплоть до совпадения по взглядам с Аристотелем по поводу «неуничтожимости» материи, «вечности» мира и так далее. Это не возврат к этому.

Мы должны излагать на *категориальном языке* коранические принципы в форме *логической доктрины*, которая была бы абсолютно понятна, ясна и действенна для умов, не воспитанных внутри ислама. Нужно преодолеть негативное отношение мусульман к *категориальной логической мысли*, потому что это негативное отношение основано на недоразумении. Мусульмане думают, что «философствовать» – значит «лукаво мудрствовать» и следовать «своим мнениям» по поводу тех вещей, о которых они не знают и не могут знать, которые находятся вне их опыта, вне их восприятия.

И действительно, следовать таким «мнениям», рассуждать на эту тему – это не более чем домыслы. Особенно когда у нас есть ясные указания в Откровении. Но ведь философия не сводится к рассуждению о том, чем является объективная реальность, – особенно тот её невидимый, незримый аспект, называемый «*гайбат*», который находится за пределами чувственного опыта. Философия не сводится только к этому.

На самом деле наиболее оперативная и существенная часть философии – это *понимание собственной мысли*. А ведь мыслящему его собственная мысль открыта. Мусульмане должны понимать, как работает человеческая мысль, и управлять этой человеческой мыслью, чтобы она являлась зеркалом, отражающим исламскую теологию, – кораническую науку, кораническое знание. И изучение мысли – это не «следование мнениям», это не рассуждение о вещах, которые находятся за пределами твоего опыта и твоей досягаемости, а *анализ того, что происходит внутри тебя*, – о том, как, собственно говоря, твоя собственная голова работает. Вот этого сегодня не хватает. И именно шаг в этом направлении превращает нас из пассивных, страдательных объектов воздействия исторического процесса в активных самостоятельных, *субъектных*, игроков, которые делают историю. Мы должны перейти сегодня от состояния *объекта истории* «в качество» – в состояние *субъекта истории*.

# Пролегомены[3] к идеологии универсального радикализма

*28 августа 2016*

*Радикализм* есть мировоззрение, которое фундаментально не принимает мироздание как должный и «благой» порядок. В радикальном мировоззрении мир человеческий есть отражение, как в зеркале, сути Бытия. Бытие же есть принцип, враждебный Духу, представляющий собой антитезу Божественному Замыслу. Бытие и Великое Существо – это синонимы, *имперсональный* и *персональный* аспекты Иблиса.

Элементы радикального мировоззрения разделяют с политическим исламом и другие религиозные идеологии, исходящие из авраамического корня. Например, стоит отметить глубокую ненависть старообрядцев-беспоповцев к власти и «официальному» социуму. Государство для беспоповцев есть инструмент Антихриста (в Исламе – Даджал). Весь социум, по их мнению, отдан на откуп Антихристу, и поддержка любой власти есть шаг к укреплению позиции Антихриста на земле.

Надо отметить, что в этом беспоповцы пошли дальше, чем даже современный радикальный ислам, который всё мечтает о «шариатской государственности», мирно сосуществующей с *куфром*, – при условии, что последний «откажется от агрессии против мусульман».

Сегодня мусульманам невдомёк, что политические цели и задачи мирового ислама коренятся на метафизическом уровне – в треугольнике конфликта Всевышнего, Адама и Иблиса, отказавшегося склониться перед Адамом, но выговорившем для себя у Творца право сбивать человека с пути на протяжении всей истории.

Политический ислам не может следовать примеру иудеев, которые опираются в своём отношении к внешнему миру на категорию «*галут*». Для евреев жизнь в *рассеянии* означает жизнь в безвоздушном и безжизненном пространстве, по отношению к которому уместны только хищнические действия.

Мусульмане не могут идти этим путём и создавать гетто – будь то «халифат» или «чёрные» кварталы европейских мегаполисов. Задача мусульман поставлена в Коране: сражаться за то, чтобы вся религия на земле принадлежала Аллаху. Это не означает, как думают наивные или недобросовестные немусульмане, «насильственное обращение» всех в Ислам. Но это означает слом мирового порядка в самых его глубинных метафизических основаниях. Иными словами, речь не может идти только о борьбе против империализма, колониализма, локальных форм национального угнетения. Короче говоря, ислам не может ограничивать себя революционной платформой левых либералов – будь это троцкисты, анархисты или «чегеваристы» какого угодно разлива. «Попутничество» с революционно настроенными либералами эпизодически возможно, если это ложится в формат исламских стратегий на данный момент в данном месте.

Однако ислам не может быть «социалистическим» (так же, как не может он быть «капиталистическим»). Социализм – это культ общества в качестве «волшебной машины», способной порождать избыток материальных благ и лелеять каждого своего члена, как пастух лелеет овцу.

Все формы угнетения для ислама – колониализм, империализм, компрадорское управление в интересах *куфра* через националистические диктатуры и тому подобное, – всё это только

---

[3] Пролего́мены (др.-греч.) – разъясняющее введение в изучение той или иной науки, имеющее целью предварительное ознакомление с её методами и задачами и обозначение статуса науки, дисциплины в системе рационального знания. Введение к своему трактату «Критика чистого разума» Иммануил Кант назвал «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки».

периферийный инструментарий главного врага – Великого Существа, тенью которого на земле является человеческое *общество как таковое*.

Общество для политического ислама не есть нечто, образуемое снизу через какой-либо «общественный договор». Это всегда и изначально *внечеловеческий* фактор, эволюция которого ведёт к исчезновению человека как суверенной автономной личности.

Снизу инициативой реальных людей образуются братские *общины*, которые, по Замыслу Всевышнего, представляют собой ячейки сопротивления Духа, противостоящего глобальной системе.

*Ислам – это стратегия Духа*. В нём есть выраженная, строго конфессиональная сторона, которая безусловно значима для тех, кто находится внутри исламской общины. Однако есть и политическая идеология, которая не выражена в строго конфессиональной терминологии и которая может быть фундаментом политической философии *немусульманина*, бросившего вызов системе.

Такая политическая идеология радикализма, которая при неизбежной внутренней *антисекулярности* носит, из «оперативных» соображений, *внеконфессиональный* характер, опирается на четыре краеугольных концепта, тесно связанных между собой. Каждый из этих четырёх концептов есть нечто изначально провокативное, брошенное как вызов, чтобы радикал овладел каждым из этих концептов и дал ему при этом иное подлинное содержание.

Вот эти четыре краеугольных концепта: *смерть, насилие, боль, справедливость.*

*Смерть*. С точки зрения политического радикализма *смерть* есть антитеза *гибели. Гибель* представляет собой упразднение феномена – будь то животное, человек или, например, шедевр живописи. *Смерть* же – духовное явление, которое связано с присутствием *Рухулла* – Духа Аллаха – на человеческом уровне. *Смерть* – это финал человеческого, более того – это финал *сущего*, который становится выходом на непостижимую бездну Божественного Замысла (Провиденциальной Мысли).

Пока человек жив, *смерть* внутри него выступает как *свидетельствующее сознание*, образующее его подлинное *здесь-присутствие*. Однако, как только внешняя феноменологическая оболочка человека перестаёт функционировать (он гибнет), это *здесь-присутствие* внутри него возвращается в «бездну непостижимого», которую никоим образом нельзя отождествлять с *ничто, небытием* или *отсутствием*.

Именно это и есть *возвращение к Аллаху*. Из этой «бездны непостижимого» обладатели *смерти* будут приведены к личному существованию во второй раз: воскрешены для Суда. Смерть для политического радикала есть финал гомогенного *здесь-бытия*, за которым начинается *то, что не подобно ничему*.

*Насилие* есть форма, в которой реальность взаимодействует со смертным существом. Окружающая нас среда есть *насилие*. Социум есть, безусловно, всепроникающее *насилие*. Деструктивная, отрицающая энергия гомогенного стремится закрыть любой намёк на «прокол», выход в финал. В конечном счёте бытие совершает *насилие* против сознания. И это то, что называется «юдоль человеческая».

Политический радикал стремится изъять монополию на *насилие* у бытия с тем, чтобы присвоить *насилие* сознанию. *Насилие* обладает ни с чем не сравнимым энергетическим потенциалом, который, будучи изъят у Великого Существа, оборачивается всесжигающей энергией *любви*. Ибо чистая *любовь* в своём Божественном основании есть непрерывная жертва и одновременно непрерывное перешагивание через себя. *Насилие* – вот то тайное «золото реальности», за право на обладание которым идёт постоянная битва между Бытием и сознанием.

*Боль* есть проявление прямого воздействия Бытия как такового на человеческое существо. Это воздействие всегда проявляется как жгущий огонь. Бытие жжёт огнём и тела, и души. Поэтому *боль* физическая и *боль* психическая имеют одну и ту же природу: предельное экзистенциальное переживание разрушительного пламени. После победы адамического наследия – частицы от Духа Всевышнего, вложенной в Адама, – над Великим Существом адский огонь будет, наоборот, пламенем победившего сознания, которое будет палить и жечь всё, ввергнутое в *джаханнам*, – то есть всё то, что было верно Бытию, а не Духу в Ближней жизни.

Для политического радикала *боль* является путеводным маяком, ибо он ищет встречи с чистым Бытием, чтобы сразиться с ним. *Боль* – это свидетельство великой конфронтации Духа и Антидуха. Вот почему для радикала *боль* является стигматом антикомфорта, отрицанием сна, – вызовом, брошенным глиняному человечеству, которое наркотизировано собственным существованием.

*Справедливость*. Для огромного большинства критиков социума *справедливость* имеет значение прямо противоположное тому, что она значит для подлинного радикала. Человеческие массы жили и живут в нищете. Они обделены тем уровнем материальных благ, который доступен их тюремщикам, – не говоря уже об их властителях. Меняются уровни потребления элит от Древнего Рима до современного Запада, но обездоленность низов практически остаётся той же самой, а во многих местах и возрастает (как, например, в Индии после прихода англичан).

Эта обездоленность сама по себе не есть *боль* в том чистом экзистенциальном субстрате, о котором мы выше говорили. Это не встреча с Бытием, которое жжёт огнём. Это, скорее, зеркальный негатив *боли*, некая прохладная тень той испепеляющей возможности, которая может обрушиться на людей в любую минуту. Люди отвечают на нищету, создавая криминальные структуры, которые бросают вызов сложившейся практике раздела материальных благ. Тем самым они «приглашают» *боль* в сердцевину своей *недочеловеческой* повседневности. Именно *боль* отличает пространство вооружённого криминала от прозябания обычных клошаров.

Однако для политического радикала *справедливость* не имеет отношения к распределению материальных благ. Политический радикал не ставит перед собой целью попросить или даже заставить властителей жизни поделиться своим комфортом с убогими и униженными. И комфорт, и материальные блага для политического радикала – это атрибуты *внесознательного* существования.

*Справедливость* для политического радикала – это всегда только Смысл. Что такое Смысл? Это завершение «дурной» бесконечности. Это конец абсурда. Это разрыв бесконечной паутины лжи, из которой соткана реальность, являющаяся не чем иным, как системой «описаний».

Смысл коренится в трансцендентной искупляющей силе *финализма*, который безусловно кладёт предел всему имманентному, всему *самотождественному,* и распахивает дверь *туда, где всё известное исчезло*.

Всё сущее создано лишь для того, чтобы свидетельствовать собой: «Я, сущее – не Аллах!» Аллах *иной* по отношению ко всему, что задано в *безграничной возможности*. Это означает, что само Откровение об Аллахе, Который не может быть воспринят, понят и пережит сущим, – само это Откровение есть уже абсолютный *финал*. Именно *смерть как сознание* воспринимает это послание финала и открывает его для себя как искупляющий смысл. Это и есть абсолютная *справедливость*, потому что благодаря этому завету с Духом Аллаха осуществляется связь уверовавшего с Провиденциальным Замыслом, в котором он – инструмент. Именно через это вершится *торжество сознания* (истинного угнетённого) *над Бытием* (истинным угнетателем).

# Предпосылки радикализма[4]

*09 декабря 2013*

[4] Джемаль планировал по этой теме цикл «Радикальный дискурс» из четырех лекций, но в итоге ограничился только первой лекцией из цикла. За данной лекцией так и закрепилось название «Лекция № 1 из цикла Радикальный дискурс».

# Вступительное слово

Несколько столетий радикалы были без собственной идеологии. Я хочу быть тем, кто даст радикалам отныне и дальше собственную идеологию. Чтобы они не шли, как нищие, с протянутой рукой к каким-то марксизмам, нацизмам, анархизмам, к каким-то тоталитарным извращениям. Чтобы они имели идеологию, в которой они бы осознавали метафизический фундамент своего тотального, врождённого *несогласия с существующим*. Такого несогласия, которое делает их угодными Аллаху. Аллах хочет от нас, чтобы мы были *несогласными*. Потому что вся реальность полна *зульма*[5]. Как нам известно из хадисов Пророка (да благословит его Аллах и приветствует): «И когда придёт Махди (да ускорит Аллах его приход), когда настанет победа, тогда вся реальность будет заполнена справедливостью, как сегодня она заполнена *зульмом*». А сегодня она заполнена *зульмом*.

Но истоки этого *зульма* не в том, что какой-нибудь там правитель, какой-нибудь мэр города является преступником, а в том, что сама реальность организована как *зульм* и вызов. Чтобы её взорвать на метафизическом уровне прежде, чем она будет взорвана на политическом уровне. Если взорвать её сразу на политическом уровне, но не взорвать её на метафизическом, реальность вернётся и набьёт морду.

[5] Зульм (араб.) – несправедливость.

# Предпосылки радикализма

Радикализм – это явление, которое у всех на слуху, все о нём говорят, ему посвящают статьи кодекса, но никто, собственно говоря, не знает, что это фундаментальный феномен, который красной линией проходит через всю историю человечества и более того, представляет собой становой хребет исторического сюжета, макросюжета. Но радикалы во все времена не равны сами себе и они поворачиваются к истории и к тем, кто хочет их изучать, разными лицами: мы знаем гуситов, таборитов, мы знаем восстание Спартака, мы знаем Троянскую войну, героев Эллады (они тоже были радикалы), мы знаем, естественно, сподвижников пророков, включая нашего последнего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует). Всё это – радикалы. Но радикалы были и в XIX веке. Огюст Бланки был радикалом, радикалами были эсеры, «народники». И они все разные.

Одни из них глубоко религиозные люди, другие – атеисты, причём воинствующие. Что же их объединяет и что делает их радикалами?

Надо понять, что радикализм – это метафизический феномен, укоренённый в проблемах онтологии и гносеологии. И не всегда радикал, родившийся в неподходящую эпоху, может осознать себя как такового, то есть он может назвать себя радикалом, но он будет говорить, в случае неблагоприятных обстоятельств, с миром, с последователями, со своей аудиторией не на языке радикала, а на заимствованном языке, на заимствованном дискурсе, просто потому что в его время для данной эпохи, для данного поколения радикального дискурса не существует.

Такая неблагоприятная ситуация сложилась в XVIII-м, XIX-м и в значительной части XX века. На протяжении 250, а то и 300 лет радикалы вынуждены были говорить на «заёмном» языке. Они заимствовали язык у либералов – у крайне левых либералов, – но всё равно либералов, потому что радикального языка не существовало: он перестал существовать после того, как окончились религиозные войны и окончился религиозный контент протеста. Маркс отмечал, что раньше люди маскировали реальные социально-экономические отношения религиозными одеждами. То есть под религиозными знамёнами выступали за те или иные решения вопросов, которые подразумевали на самом деле классовые социально-экономические отношения. На самом деле то, о чём говорит Маркс (не то чтобы он это имел в виду – он не это имел в виду, но мы имеем в виду), – это подлинное время радикализма, когда радикалы выступали со своим дискурсом, и этот дискурс был религиозным, и они под знаменем радикальных, как ныне принято выражаться, сект пытались оспорить статус-кво мироздания. Потом, с течением времени, почва из-под ног у них ушла и они вынуждены были, в силу внешней конъюнктуры, перейти на чужой язык – на язык либералов.

Либералы бывают всякие. Бывают левые, бывают правые, бывают центристы, бывают неолибералы, но суть либералов в том, что для либерала есть одна жизнь, которая проходит здесь, и она абсолютно укоренена в материальных ценностях, в комфорте, в гедонизме. Могут быть разные подходы у либерала, то есть либерал может считать, что трудящиеся люди заслуживают полного комфорта, всех благ, полного раскрытия всех своих человеческих способностей, – и такие либералы называются «левыми». Либерал может считать, что только заслуживающие этого, особо способные, одарённые люди заслуживают прекрасной жизни, – тогда это классические либералы, которые делают установку на меритократию. Либерал может считать, что только раса избранных, раса господ заслуживает хорошей жизни, – тогда он будет правым либералом, будет нацистом, будет фашистом. Но тем не менее они все будут либералами – от крайне правого фланга до крайне левого.

А радикал отличается совершенно другой концепцией мироздания, совершенно другим мироощущением, то есть его мироощущение связано не с тем, что он хочет поправить свои обстоятельства жизни, не с тем, что он хочет улучшить обстоятельства жизни кого-то другого,

а он хочет изменить некие фундаментальные законы, правящие мирозданием. Потому что эти фундаментальные законы в его внутреннем переживании, в его инстинкте не соответствуют переживаемому им инстинкту истины, не соответствуют тому идеальному утверждению, которое он носит в своём сердце. Выразить это очень сложно, – выразить это сложно потому, что человек рождается в определённых условиях, он является пассивным субъектом, воспринимающим цивилизационную матрицу своей эпохи, своего места и времени: хронотоп, который отпечатывается в нём. И если он родился в XIX веке, и если вокруг, допустим, господствует дарвиновская теория эволюции, и если говорить о вещах не тактильных, не материальных, – это помещать себя в маргиналы, тогда радикал вынужден тактически сориентироваться и начать говорить на языке образованческой массовки. При этом он остаётся радикалом – и тогда получаются очень странные комбинации.

Вот В. И. Ленин был радикал, но он вынужден был говорить на языке марксизма, а Маркс был либерал. Поэтому появился марксизм-ленинизм. Такая очень странная российская трансформация марксизма, в которой можно то, чего нельзя по Марксу, то есть по Марксу чего-то нельзя, а по Ленину – можно. Но это, конечно, паллиатив, и рано или поздно такие сбои в дискурсе, когда человек имеет в виду одно, а вынужден говорить об этом другими словами, дают о себе знать, и инициатива, которая построена на такой подмене, кончится провалом, – как мы и свидетельствуем сегодня.

На самом деле несмотря на то, что радикалы XIX–XX веков в своём большинстве были людьми атеистическими или агностиками, радикализм – это всегда религиозная идея, это всегда религиозный принцип, это всегда глубоко религиозный инстинкт. И тут я хотел бы отметить следующее: когда я говорю «религиозный», то имею в виду нечто фундаментально противоположное традиционалистской метафизике – тому, что называется в школе большой метафизики «сквозной», мейнстримовской, Традицией. Потому что метафизика Традиции исходит из того, что реальность безусловна, конкретна и фатальна, она определена во всей полноте. Поскольку она является проявлением бесконечной *возможности* (а всё, что возможно – то реализуется), то нет ничего, чтобы было бы недосказанным, недовыраженным, недопроявленным. То есть вся полнота *возможного* задана в метафизическом объёме утверждения. Это утверждение безусловно, и за пределами его существует только ошибка, «внешняя тьма и скрежет зубовный». Возможно всё и реализовано всё, кроме ошибки. А ошибка находится в *небытии*, в том *небытии*, которого, по Пармениду, нет.

Более сниженной версией такого же ощущения о безусловно состоявшейся реальности, которая неотменима и которая необходима (она несёт в себе свою необходимость, у неё нет никаких вариантов), является идея, согласно которой мы живём в «наилучшем из возможных миров». И здесь нужно понимать, что эта оценка – «наилучший из возможных миров» – указывает на оптимум как бы этического характера. Вот, например, в исламе есть установка, что Всевышний создал мир оптимальным образом, что Он имеет в виду, что именно этот мир необходим, Он создал необходимый мир. Но в Откровении нигде не сказано, что этот мир хороший или наилучший, наипрекраснейший. Он – необходимый.

Напомню, что в Коране, когда Всевышний ставит Адама наместником на земле, ангелы возражают – они говорят: «Зачем ставить этого, ведь он же слаб, от него произойдёт смешение, кровь, всякие ужасы? Лучше нас ставь». И ведь Аллах не говорит ангелам: «Нет, Я создал наилучшее из возможных существ». Он говорит: «Я знаю – а вы не знаете». То есть Он говорит, иными словами: «Я создал такого, который Мне нужен, Я ставлю такого, которого Я хочу поставить, хотя вы правы – он слаб и от него произойдёт кровь, смешение, ужасы, преступления, – но именно этот Мне и нужен».

Поэтому, когда в религии Откровения, в религии Единобожия говорится о том, что этот мир является безусловно таким, каким его имеет в виду Творец, это не означает того, что имели в виду, допустим, Лейбниц и Кант, – что это «оптимальный», «наилучший» мир в смысле

такого благостного позитива, то есть что мы живём в «шестизвёздочной гостинице» и это наша реальность, а «семизвёздочной» не бывает, – то есть это не имеется в виду в Откровении.

Радикал ощущает, что этот мир заранее запрограммирован с внутренним сбоем, что этот мир построен на ошибке и такова изначально воля Всевышнего: заложить ошибку в некие фундаментальные законы, которые определяют жизнь мироздания. Если бы это было не так, тогда не стоял бы вопрос о Новой земле и Новом небе, не стоял бы вопрос о Будущей жизни, не стоял бы вопрос о реальности, которая приходит на смену этой реальности. Потому что если этот мир – «наилучший», то к нему ничего нельзя добавить и, стало быть, невозможно создать никакую новую пролонгацию «небесного» или какого бы то ни было «оптимизированного» варианта. Это, кстати, относится и к западному христианскому дискурсу, то есть к тем христианским философам, которые говорят о «наилучшем из миров», – с точки зрения такого конформистского довольства сущим невозможно объяснить эсхатологическую идею и жизнь будущего века. Если это – «наилучшее», то тогда, стало быть, либо можно повторить это «наилучшее» в иной версии – но не понятно, зачем, – либо они неправы или не эсхатологически ориентированы. В любом случае они – не радикалы.

Радикал знает на уровне клеток, на уровне инстинкта, что эта реальность является реальностью *апории*. Фундаментально внутри этой реальности заложена несправедливость, заложен вызов, вызов его инстинкту, – инстинкту некой правды, которая глубоко укоренена в самом его сердце, в самых недрах его существа. И поскольку метафизика Традиции говорит о том, что реальность является реализацией всей полноты бесконечной *возможности*, для радикала открывается полярная альтернатива этому утверждению. Потому что в инстинкте отрицания того, что эта реальность является безусловным, совершенным утверждением, подразумевается, что в основе *сущего*, за пределами *сущего*, в корнях *сущего* лежит *невозможное*, лежит *невозможность* как главный motivant, как главная сверхидея, как некая «суперпрограмма» существования. А уже то, что состоялось видимым образом (манифестация, удовлетворение и так далее), – есть определённым образом сокрытие этой *невозможности*, есть тень этой *невозможности*, которая всегда является как бы негативной антитезой к *тому, чего* она тень. Есть свет – есть тьма. Если в основе лежит тьма, то мы – на свету. Но этот свет – это негатив от первозданной тьмы. То есть внутри *сущего* лежит именно *невозможность* как исходный принцип. И это сразу помещает радикала в полярную противоположность традиционалистской метафизике.

Мы представляем себе, что радикал является абсолютным рефлектирующим субъектом. В данный момент, в данной лекции, мы *не* говорим о том, что радикализм и Откровение теснейшим, интимным образом сопряжены, что радикализм невозможен без Откровения, что Откровение необходимо, потому что в нём открывается то, что не может быть дано ни в опыте, ни в созерцании, ни в догадках, ни в погружении в какие-то глубины, – то есть Откровение необходимо потому, что оно открывает то, чего нет в *сущем*. Мы об этом пока не говорим, выносим это за скобки: предполагаем, что радикал либо изначально уже получил Откровение, либо неким образом обходится без Откровения (выделим его в чистую схоластическую модель), он сам является «откровением», – это предполагает, что радикализм есть абсолютная рефлексия.

Что рефлектирует «абсолютная рефлексия»? Феномен того, что существует *сознание как свидетель*. Радикал сознаёт своё собственное сознание. Это условие его радикализма. Он может быть при этом атеистом, и «сознание собственного сознания» вызывает у него довольно большие проблемы, может быть, даже мучительные. Подозреваю, что радикалов из числа якобинцев (они правда были религиозными), эсеров, допустим, большевиков-ленинцев, – их страшно мучила эта тема, они никак не могли объяснить феномен собственного сознания, и поэтому они шли до конца в политическом действии: совершали теракты, убивали сатрапов. Потому что им нужно было снять постоянно зудящий, болезненный вопрос о собственном сознании.

Феномен сознания, когда он подлинным образом рефлектируется, обнаруживает свою абсолютную оппозиционность Бытию. Для традиционных метафизиков никаких проблем нет. Для Платона бытие, сознание, благо – это синонимы. Так же и для Гегеля: «Бытие есть абсолютная идея, в которой чистое Бытие и чистое Ничто тождественны». Но если это «абсолютная идея», то, собственно говоря, в этой «идее» решён вопрос свидетельствования и мысли, решён вопрос субъекта. Но он решён «как бы», он решён в кавычках, потому что, если бы Бытие действительно было сознанием, – оно никогда бы не сделало ни одного шага *за пределы самого себя к противоречию с собой*. То есть *тезис* никогда не сделал бы шаг в *антитезис*. Если бы изначально Бытие было сознанием, если бы оно было «идеей», то Бытие никогда бы не различилось само с собой. Это различение было бы невозможно, потому что подлинное тождество – это то тождество, из которого нельзя выйти. А если из этого тождества можно выйти, если можно его оставить и посмотреть назад на себя, на «то, из чего ты вышел», – это не тождество, это *иллюзия тождества*.

Для радикала существует абсолютное противостояние Бытия и сознания. Есть Бытие и есть сознание. Но каким образом есть сознание? Если проанализировать сознание, то сознание оказывается некой точкой даже не пустоты в каком-то таком буддийском или метафизико-традиционалистском смысле, а точкой *чистого нетождества*, точкой несовпадения ни с чем. Это как бы знак препинания. Идёт некий поток реальности, движется масштабная река, а где-то там со дна поднимается камень, который создаёт водоворот. Этот камень не тождественен стихии движущейся воды – он является противоположностью, фиксацией. Но это очень слабый пример, потому что камень материален, – он, конечно, противоположен реке по своим свойствам, но он материален.

Сознание абсолютно и реально – оно есть чистая апофатика. Оно не тождественно ничему и именно благодаря этому есть факт *свидетельствования*. Как амальгама зеркала, которая не даёт пройти лучам и создаёт феномен изображения. И сознание, таким образом, является *контрсубстанциональным, антисубстанциональным*, полярным ко всему, что, – тут главное, тут мы подходим к ключевому вопросу, – ко всему, что *есть*. Таким образом, сознание есть указание на *то, чего нет*. Но не таким образом, как у Парменида («небытия нет»), а именно указание на *то, чего нет*, и которое за счёт этого «нет» является центральной, утвердительной альтернативой, вокруг которой строится всё это *Бытие, которое есть*. Оно (Бытие) строится вокруг центра «точки отсутствия», «точки негатива», «точки апофатики», которая не где-то там, – как апофатические свойства Абсолюта, некоего Urgrund, первобездны, первоосновы, – нет. Эта апофатическая точка находится в центре, в центре нас самих. Эта точка внутри нашего сердца – непостижимое *отсутствие, противостоящее всему*.

Радикал начинается с того, что он «понимает», – «понимает» мы в кавычки берём. Мы уже говорим о том, что радикалы подвержены перипетиям исторического времени. Но мы рассматриваем радикала условного – как абсолютного рефлектирующего субъекта. И такой идеальный, «виртуальный» радикал, абсолютно рефлексируя, понимает, что он начинается с категорического тотального различения между Бытием и сознанием. Бытие есть, сознания нет. Вернее, сознание возникает из сличения *того, что есть, с тем, чего нет*. Сознание – это феномен встречи, столкновения Бытия как положенного сущего и тотального *отсутствия*. Но ведь это тотальное *отсутствие* не самостоятельно. Оно же не может просто так, из ниоткуда, возникнуть в человеческом существе, которое смертно, зависимо, определяется обстоятельствами и так далее. Откуда в нас эта точка апофатического нетождества? В собаке её нет, в лисе её нет, более того – её в ангелах, джиннах нет, её нет ни в каких существах. Она есть только в человеке. Это свидетельствование, которое присуще только человеку. Когда наш абсолютно рефлексирующий «идеальный» радикал сосредотачивается на этом, он обнаруживает, что эта точка апофатики напрямую связана с его инстинктом или подозрением о *невозможном как основе реальности*.

Я намерено говорю «реальности» (не «бытия» – ничего такого), потому что «реальность» выходит за рамки бытия, выходит за рамки любых гипостазированных проекций, – она даже не является сводимой ни к каким концепциям бесконечного, базы, основы, Urgrund, первоединого. То есть реальность – это то, что противостоит точке апофатики. Потому что эта точка апофатики, точка негатива, точка *отсутствия* внутри меня, противостоит не просто миру вокруг меня (стенам, лужайкам, цветам, звёздам), а она противостоит абсолютно всему, – она противостоит даже отрицанию меня самого. Она противостоит тому минусу, тому негативу бесконечному, который, как мокрая тряпка, с доски стирает всё. Она противостоит концепции *бесконечного*. Почему она противостоит концепции *бесконечного*, концепции непостижимого, любым переживаниям, самым мистическим опытам, – всему? Да потому что если все эти опыты, если все эти концепции открываются, то они открываются за счёт *несовпадения* с этой точкой. Если я знаю о чём-то, если я знаю об Абсолюте – значит, эта точка вне Абсолюта, значит, она ему противостоит, значит, Абсолют «не абсолютен», потому что ему ничего не может по определению противостоять.

Но тут есть хитрость. Ему противостоит точка, в которой *нет ничего*. То есть об этом вызове в свой адрес Абсолют вроде как и не «знает». Потому что мы же не обязаны знать об отсутствии чего-то. Вот, Абсолют не знает, что за пределами Абсолюта есть Нечто, которое не является *нечто* на самом деле, а которое является *точкой несовпадения* с ним. И здесь есть очень интересная вещь. Если говорить о фундаментально религиозном опыте радикализма, то радикал приходит к выводу, что эта апофатическая точка отсутствия внутри него является непосредственной проекцией *невозможного* в его центр. А Абсолют, то есть *бесконечное*, о котором мы говорим, он, радикал, воспринимает как *бесконечное.* И, стало быть, он вне его, вне *бесконечного* (*бесконечное* само о себе не может говорить): он является свидетелем *вне бесконечного, вне* Абсолюта. Следовательно, *невозможное* неведомо Абсолюту. Абсолют выступает как то, что не знает о *невозможном*, как то, что отрицает *невозможное*.

Таким образом, мы приходим к первому определению того, что такое апофатика, что такое *точка отсутствия* в сердце, которая является корнем сознания: это *отрицаемое*. Дух внутри нас как свидетельствующее сознание есть *отрицаемое* начало. То есть вокруг нас существует внешняя среда – контуры внешней среды, реальность, мир, – которая нас *отрицает*, но «мягким» образом. То есть мы с самого начала, родившись на этот свет, чувствуем, что вселенная, мир, условия, в которых мы родились, нас *отрицают*, они нас давят, но мягко. Просто само существование чего-то вне нас является неким бременем, неким вызовом, неким столкновением с этой точкой несовпадения, но это ещё не Коса. Да, в этом «внутри» есть такие вызовы привходящего конвенционального плана, как, допустим, матрица, которая впечатывается в нас с колыбели (мать, школа, полиция, армия, тюрьма, сума, война), – но это всё обстоятельственные вещи.

Но есть же более серьёзное *отрицание*. Есть чистый негатив, который проходит сквозь все вещи, как воздух проходит сквозь землю, сквозь воду, – сквозь всё проходит *коса негатива*. Есть это кресло – его не будет, есть эта книга – её не будет, есть этот дом – его не будет, есть здесь мы – всех нас не будет, наших детей, внуков не будет, всё, что есть – всего не будет. Через всё идёт «коса негатива», она уничтожает абсолютно всё. Но ведь она существует не для того, чтобы нас уничтожать, – мы слишком мелкие комарики, чтобы ради нас существовала эта бесконечная «коса негатива». Эта «коса негатива» преследует нечто, что она имеет в виду как недопустимое, как *невозможное*. Вот математический «минус» отрицает что? Разве числа он отрицает? Нет. Он отрицает не числа. Он просто приставлен к любому числу, и он его «ничтожит». Но минус существует не для отрицания чисел, а для отрицания самой возможности быть чему-то, чего этот минус не мог бы отрицать. Это ясная идея. «Минус» не допускает, чтобы было *нечто, чего он не может отрицать*. Он отрицает всё. И поэтому он гоняется за тенью того, что могло бы ему противостоять. Тем самым он указывает, что есть *невозможное*, которое

не может быть реализовано, которое не тождественно ничему, не является числом и тем более нолем, которое противостоит минусу. Ему нельзя противостоять, поэтому оно – *невозможное*.

И вот это *невозможное* оказывается вдруг реальностью. Оно воплощается внутри нас как апофатическая *точка несовпадения ни с чем*. Это *невозможное* – не гипотеза, не то, о чём мы говорим абстрактно. А мы вдруг обнаруживаем, что сама наша гносеологическая способность к пониманию, сама наша субъектность коренится в *невозможном*, она коренится в *том, чего нет. Субъект – это то, чего нет. А объект – то, что есть.* Рядом с объектом субъект – это *невозможное*, но при этом введённое, как некое яйцо, через яйцекладку длинного страшного комара, который уколол и ввёл в *сущее* вот это «яйцо» *невозможного*. И возникает феномен человеческого существа, *субъекта*, который, в случае его прихода к абсолютной рефлексии, обнаруживает себя в качестве радикала.

Тут получается, что мы имеем дело с тремя вариантами.

Человеческое существо может осознать наличие в себе субъекта как бремя: «Я осознаю, что я есмь здесь и теперь, Иван Иваныч, вот здесь, в этой комнате, среди вас, и меня больше не будет, – и я понимаю, что, наверное, это иллюзия, наверное, это ошибка – понимать себя как отдельного от всего, наверное, я просто мошка в хороводе мошек, наверное, я должен слиться с целым, наверное, я должен сказать себе “тат твам аси”, “ты есть то” и отождествиться с бесконечностью, в которой я – маленькая пылинка – становлюсь равным и тождественным Абсолюту и исчезаю в нём». Это путь традиционалиста. Это путь метафизика, который стремится к великой идентификации с фундаментальной бесконечностью, к «мошке», к освобождению, к снятию иллюзии о собственном отдельном *Я*.

Есть путь либерала, о котором мы уже говорили. Это человек, который просто понимает, что «сидим, и сидим хорошо, пьём кофе, едим вкусно, кто будет мешать, мы его уничтожим, ну умрём и умрём, – об этом лучше не думать». Это путь либерала.

Есть путь абсолютной рефлексии – путь радикала, который понимает, что «вот это моё нетождество – это единственная ценность, это единственная зацепка к Истине, которая совпадает с *тем, чего нет*, но внутри неё есть нагруженность этой взрывной волей к долженствованию».

Ну и есть просто люди, которые не либералы, не радикалы, не традиционалисты, а просто «молчаливое большинство», – они просто «вброшены» в жизнь, которую не понимают.

Поэтому есть четыре угла: традиционалисты («роялы», клерикалы), которые знают, что существует сакральный путь отождествления *относительного* и *конечного* с *бесконечным* и *абсолютным*; есть либералы, которые в последние 300 лет вылезли и заняли все места, образовали фасад, – наглые ребята-гедонисты; есть радикалы, которые против *этого*; и есть «молчаливое большинство» – массы, за которые ведут борьбу все остальные три клуба.

Теперь получается, что до сих пор у радикалов нет собственной идеологии. Радикалы есть, а дискурса у них нет. Недавно ещё это был марксизм. Несовершенный. Но и Че Гевара, и «красные бригады», и «группа Баадера-Майнхоф» вынуждены были говорить на языке левых. То есть приставать к судьям, полицмейстерам, к банкирам не потому, что они представляют собой систему, воплощают собой метафизическое зло, а потому что они – буржуазия, плохо обращаются с рабочими, социальные дотации и пенсии недостаточно хорошо выплачиваются, – в общем, нести всякую чушь. Но при этом чувствуют-то они себя *радикальными* и отстреливают по-настоящему всяких полицейских, судей, магистратов. А говорят в оправдание всего этого всякую ерунду. И если дальше пойти: читаешь «народников», эсеров – полная чушь. Но при этом люди-то – *радикальные*.

Получается, что нет *идеологии*. И вот в последнее время возникает и формируется запрос на *политический ислам*. И мы уже давно слышим про *политический ислам*: мы слышим об *ихванах*, мы слышим о *салафитах*. Но когда мы подходим ближе и начинаем изучать вопрос о *политическом исламе*, мы обнаруживаем, что он «политический» в кавычках. Потому что

*ихваны* под политикой понимают просто участие в западном избирательном процессе (партии всякие, голосование – всякую ерунду). Даже у них идеи партии нового типа, как у товарища Ленина, нет. Если брать *салафитов*, то они вообще не по этой части, их задача – «быть угодными Всевышнему на пути самопожертвования». Это очень достойное, самое великое, самое прекрасное, что может быть. Но Всевышний приказал нам бороться за власть вопреки реальной структуре того Бытия, которое Он создал. Он создал и предложил нам Бытие как полосу препятствий и предложил нам её пройти и в конце быть победителями. А люди говорят: «Нет, я лучше сейчас стану шахидом и обитателем райских садов, а вы, ребята, здесь оставайтесь, потому что мне с вами недосуг». Это неправильно, это дезертирство, это – не *политический ислам.*

*Политический ислам* должен знать: во-первых, что такое *реальность*; во-вторых, что такое *мысль*; в-третьих, как организовано *человеческое общество*; в-четвертых, что такое *власть*; в-пятых, чего хочет он сам; в-шестых, что его ждёт после победы, то есть *Дальняя жизнь*. Он, конечно, не может знать всё в деталях, потому что «Аллаху алим», только Всевышний знает подлинное, но он должен отражать в своей душе, как в зеркале, концептуальное предначертание, которое действительно создано для него, чтобы он его нёс, чтобы он его воспринимал, чтобы он его выражал, потому что без этого Всевышний не поставил бы его *наместником*.

И ведь дело в том, что мусульмане читают Коран, и там написано, что Аллах научил Адама именам, и потом Он поставил его и стал спрашивать и спрашивать ангелов, и ангелы, которых Он не научил именам, говорили: «Мы не знаем, Господи». А Адам, которого предварительно научили, на все вопросы отвечал. И вот, эти люди читают Коран и после этого говорят: «Зачем нам философия, зачем нам то, сё, третье, десятое, это мешает *иману*». То есть они не желают понимать, что им написано, они просто не желают воспринимать конкретное указание на то, что человек является *интеллектуальным наместником*, который обязан отражать в своём рефлектирующем процессе, хотя бы в какой-то степени, Провиденциальную Мысль Господа, Провиденциальный Замысел. Он обязан это отражать, это его главная обязанность! Познавать и служить.

Кстати, «ибадат» мусульмане всегда переводят как поклонение. Нет такого слова «поклонение». Поклонение – это «саджда». Арабское слово «саджда» обладает чётким семантическим значением «кланяться», «поклоняться» – вот поклонение. «Ибадат», связанное с корнем «абд», – это «служение», а не «поклонение». «ИбадуЛлах» – это рабы, слуги Бога, а не поклоняющиеся. Поэтому здесь существует подмена. Аллах говорит, что «Мы создали людей и джиннов только для того, чтобы они служили нам (абаду)». То есть Он говорит, чтобы они служили, – не «поклонялись Нам», как переводится, а «служили Нам».

Что такое *служение*? Служение – это как раз реализация Провиденциальной Мысли. Потому что Аллах в другом же месте говорит: «Мы не сотворили ничего понапрасну». Раз «не сотворили ничего понапрасну», то у этого есть цель: у человека есть цель служить, служить в соответствии с неким Замыслом.

Радикал – это тот, кто должен *служить* в соответствии с неким замыслом, который открывается именно в нём. То есть то, о чем я говорил в преамбуле, – столкновение с собою как с точкой апофатики, которая является непосредственным проявлением *невозможного*, которое, в свою очередь, является *отрицаемым*, выявленным *бесконечным* действием чистого минуса, чистого негатива. Чистый негатив, отрицающий всё, указывает на *то, что есть* (на самом деле *нет*, но «нет» как *есть*) *невозможное*, которое противостоит негативу, которое противостоит «минусу». Поскольку ему *невозможно* противостоять, оно и есть *невозможное*, но оно *есть,* и оно проявляется не в плане Бытия, которое снимает всё, а в плане *свидетельствования*, противостоящего этому Бытию. Но как *свидетельствование* – это завет, это залог. Это залог того, что за этой апофатикой открывается иная бездна.

И вот тут вопрос: какая бездна? Поскольку речь идёт о том, что центром Замысла является *невозможное*, которое определяется не само собой, а через то, что оно является *отрицаемым,* видимый в своём действии негатив указывает нам на то, что *невозможно* в силу этого негатива, но при этом находится *внутри* всего, что этим негативом снимается. И это создаёт ситуацию фундаментальной неопределённости, то есть реальность абсолютно *неопределённа*. Она неопределённа в каком смысле? Она неопределённа в том смысле, что это *невозможное*, в отличие от представлений традиционных метафизиков, не является самотождеством. То есть *реальность не тождественна сама себе*. Можно сказать, что в апофатике традиционалистов, которые говорят об Абсолюте, уже намечена такая нетождественность, когда они говорят, что Абсолют, или Брахман, или Urgrund, или что-то такое, есть «не то и не это, и это и то». Они очень любят апофатику открывать в различных вариантах *совпадения* и *несовпадения*.

На самом деле речь идёт о гораздо более глубоком. *Невозможное*, отрицаемое *бесконечным*, – долженствующее быть вне *бесконечного*, но *невозможное*, потому что быть вне *бесконечного* нельзя, – это та реальность, которая задана этой *бесконечностью, – невозможная* реальность. Она представляет собой, по сути, *отсутствие утверждения*. Что такое *невозможное*? Это *неутверждение. Утверждение* – это то, что предполагает исключение всего, что может быть *вне этого*. То есть истинное *утверждение*, абсолютное *утверждение* предполагает *исключённость* всего, что *вне этого*. А здесь мы имеем в виду внешнюю *бесконечность*, внешний негатив, который не имеет никакого содержания, кроме как ничтожить, и то, что порождается этим негативом как то, что *не может быть*, потому что негатив его не допускает. И тем самым это принадлежит не к сфере *возможностей*, а к сфере *невозможного*, и как таковой он помещается в центр *сущего*.

Это не *утверждение* – это некая неопределённость. Это «взрывная» неопределённость, которая сама по себе является апорией. То есть эта *контрреальность*, внедрённая в реальность, может существовать, может динамически быть какой-то такой структурой. На самом деле мы должны понять, что само наше существование как *свидетельствующих субъектов посреди этой реальности* является взрывоопасным, является взрывоподобным.

Представьте себе, что в некой плотной, гомогенной, абсолютно всё заполняющей субстанции вдруг делают такую «дырку», которая является центральной, и в этой «дырке» – антитеза всей остальной субстанции; условно говоря, материя и антиматерия, – только под материей мы понимаем *всю* реальность, а антиматерия – здесь, в наших сердцах (это благодаря чему мы всё понимаем). Таким образом оказывается, что вся материя, то есть субстанция, всё сущее, *вся реальность,* – они сами по себе лишены смысла. Бытие – это абсурд. Оппозиция этому абсурду на стыке драматического противостояния рождает *смысл*. А смысл – это не то, о чём можно рассказать, это не концептуальность, это не структура. Смысл – это утверждение того, что всё, что существует как некая данность, как некая безысходность, как некая тотальность, всё в себя вбирающая. Смысл – это утверждение того, что *вся* полнота, абсолютная тотальность, абсолютное *Всё*, – что оно *конечно*, отвергаемо, что в центре его зияет «скважина», проходящая через сердце.

Что это за скважина, мы можем понять, только вспомнив аят Корана, когда Аллах говорит: «Я (в этом единственном случае) вложил в Адама частицу от Своего Духа (*мин Рухи*)». Вот эта частица от Духа Аллаха, от *РухуЛлах*, от *Рух аль-Кудус*, – она и является вот той самой *точкой нетождественности ничему*, точкой, в которой проявляется *невозможность, невозможное*, взрывающая всю *бесконечную реальность*, которая создаёт всю эту ситуацию.

Таким образом, радикал представляет собой – мы делаем шаг от этой метафизики к историко-социальному пространству – авангард касты воинов, представляет политическое представительство касты воинов. Каста воинов, когда она предоставлена самой себе, глубоко несчастна, потому что она встроена в иерархию и подчинена попам. А попы учат, что «реальность тотальна, не имеет зазоров, тождественна сама себе, включает в себя всю полноту воз-

можностей, является реализованной, и все векторы во все стороны ничтожат друг друга, и в результате мы имеем метафизический ноль, «абсолютный баланс», подведённый итог всех векторов». И кшатрий (воин) должен обслуживать это утверждение, будучи стражником на побегушках. Вверху, понимаешь, мудрецы, философы, а здесь – воины, которые защищают этих «носителей ноля и бессмыслицы». Но этим воинам из *невозможного* приходит Весть, обращённая к той «скважине» в сердце, открытой у воинов, и Весть говорит, что «выход есть – эти (попы) покрывают истину ложью». Под «попами» я имею в виду клерикалов всех мастей, начиная от лам и кончая «муллами», «алимами». А за их спиной стоят «шейхи», стоят гуру, за которыми стоят «Великие неизвестные», а за спиной «Великих неизвестных» стоит сам сияющий Сатана. Он есть *Бытие в чистом виде*, он есть Великое Существо.

И из *невозможного*, от *Того, Кого* мы называем только «Он», приходит весть в виде Книги. Эта книга, которая открывается как «Я», где Бог говорит о Себе: «Я» (потом это «Я» и это «Он», объединяясь, становится «Мы» – «Нахну»). И в этой *Вести* Всевышний говорит: «Не слушайте их, а слушайте Меня». То есть воины получают известие, *Благую Весть* о том, что, оказывается, великое закрытое тождество, запертое на колоссальный ключ метафизического *Всё*, – это тюрьма, которую можно снести, эту «Бастилию» можно снести, из неё можно вырваться. Из неё можно вырваться, потому что существует фундаментальная изначальная неопределённость, которая чревата будущим *утверждением – утверждением* Будущего века. И шаг из неопределённости к определённости предстоит сделать именно радикалам, именно политическому представительству касты воинов. Основой касты воинов является пассионарность – то, что на санскрите называется «кама», на арабском называется «хуб».

А что такое «хуб»? Это любовь. А к чему любовь? *Пассионарная любовь – это любовь к смерти*. А что такое смерть? Смерть – это встреча «скважины» в моем сердце с *Тем, Кто её сделал*.

Это просто введение, некая преамбула, начало разговора о том, что такое *радикализм*. Я думаю, что сегодня эта преамбула завершена и мы можем поговорить в свободной форме.

# Ответы на вопросы

*Радикал – это «тот, кто стоит у корня»? Или здесь мы эту этимологию отбросим в сторону?*

Интересно, что в современном новоязе, *псевдопублицистическом, псевдополитическом*, «радикал» и «экстремист» – это синонимы. Тогда как «экстрим» – это «с краю», а «радикал» – это «в центре». На самом деле радикал – в центре, и это соответствует аяту Священного Корана, когда Всевышний Аллах говорит: «Я поставил вас Уммой в центре, в середине». Этот аят переводят всегда как: «Я поставил вас общиной, удалённой от крайностей, “средними” людьми». То есть замазывают всегда в переводах очень конкретный смысл. А правильно будет: «Я поставил вас Уммой в центре, дабы вы свидетельствовали против человечества, а Пророк бы свидетельствовал против вас». Имеется в виду на Страшном Суде.

*Всякий радикал, восходя по этой вертикали невозможного и нереального Абсолюта – того, что превышает все возможности, – отменяет её, а восходит в этом своём движении до последних степеней, до последней той инстанции, которая отменяет всё? Или здесь есть какие-то определённые метафизические градации, и как это выражается в психологическом пространстве радикала?*

Дело в том, что нельзя смешивать путь радикала с путём проходящего инициацию «ищущего» эзотерика в традиционалистской метафизике, потому что в традиционалистской метафизике есть идея восхождения к великой идентичности и тождеству с «первоначалом» – безусловным «первоначалом», отождествлением с безусловным. А радикализм не есть отождествление с *безусловным*, потому что отождествление предполагает субстанциональный аспект.

А здесь существует сфера *манифестации* и *неманифестации*. Я, кстати, объединяю под термином «Бытие» и *манифестацию*, и *неманифестацию,* – то есть, скажем условно, то, что Генон определяет как «дао», *проявленное* и *непроявленное вместе*, то есть *возможность непроявления* и *возможность проявления*. Он говорит, что *возможность проявления* – это *непроявленная возможность Бытия*, то есть это *возможность проявления*, которая сама ещё *не проявлена*; внутри неё неизмеримо больше *возможности непроявления*. Так вот, *возможность непроявления* и *возможность проявления* я вместе соединяю в условном термине «Бытие».

Это Бытие есть реализация *возможного*. А *возможное* – это тень, которая отбрасывается *невозможным*, потому что *невозможное* как таковое не реально, а является аспектом Мысли Всевышнего. *Невозможное* – это сердцевина, это аспект Мысли Всевышнего. *Невозможное* – это существо Мысли Всевышнего, которое скрывается. И поскольку оно – *невозможное*, то оно может быть дано только через указание на него *тем, что его отрицает. То, что его отрицает*, – это как бы рубеж, горизонт, чистый *бесконечный негатив*, который всеми Традициями принимается за фундаментальное «первоначало», то есть Брахма, который является безусловным апофатическим Абсолютом. И с точки зрения всех Традиций это – начало начал.

В действительности это чистый негатив, не имеющий никакого содержания. Тотальный негатив не может быть самодостаточен, поэтому он изначально ущербный: *бесконечное* не может быть позитивным, *бесконечное* лишено внутреннего структурирования, определений, лимитов, целей (оно просто *отрицает*), но оно при этом не может иметь контент. Вот как из *бесконечного* возникает *конечное*? Если бы *бесконечное* было самодостаточным и идентичным самому себе, то выйти из него нельзя было бы: *конечное* было бы исключено. И тогда *конечное* было бы *невозможным*. Но на самом деле *бесконечное* не самодостаточно – оно существует лишь как указание на *невозможное помимо себя*. И поэтому *конечное* становится *воз-*

*можным*. И, собственно говоря, «возможное» и «конечное» как категории абсолютно синонимичны. *Возможное* – это и есть *конечное*. Поэтому, когда Генон говорит «possibilite infini», то это оксюморон.

Не может быть «бесконечной возможности», но может быть интерференция *конечных возможностей* таким образом, что в результате «интеррефлексии» разбегающихся зеркал, в бесконечной «интеррефлексии» зеркал, которые отражают друг друга, создаётся *иллюзия* «позитивной бесконечности», то есть позитивного наличия. Но это не более чем взаимная интерференция конечных начал. То есть то, что мы принимаем как *Бытие, которое неохватно*, – это на самом деле взаимная интерференция конечных начал, которых конечное число. Их пять: это *возможность конкретного, возможность альтернативного, возможность не быть конкретному, возможность не быть альтернативному* и *возможность не быть ничему*. Первые два – это *возможности манифестации*. А последующие три – это *возможности неманифестации*. И они интерферируют друг друга и порождают бесконечное многообразие, которое на самом деле является проявлением Великого Существа.

Это Великое Существо есть Денница, Люцифер, Иблис, Аполлон, – это есть Великое Существо, которое есть вместе с тем и *объективное* Бытие. Это «интерференция» конечных начал. И человек является, по своей модели, просто одним из отдалённых отражений Великого Существа, но в человека уникальным образом введена эта «скважина», эта точка несовпадения со всем остальным зеркальным Бытием. Это как в бесконечном множестве зеркал: в одном зеркале выбрали некую точку, поцарапали амальгаму, и в этой точке зеркало стало особым: в нём исчезла оптическая рефлексия. Или в одном из зеркал есть особая точка, которая не совпадает со световым потоком, с этой системой оптики, но при этом это достаточно удалённое от центра зеркало.

И главная задача радикала – это не восходить, а отражать Провиденциальный Замысел в своём собственном мышлении. Но в индивидуальном мышлении это невозможно отразить полностью, и индивидуальное мышление обладает спецификой *внеисторичности*. Только *мышление коллективное*, то есть мышление на уровне братства, *джамаата*, общины, когда люди *участвуют*, – только их мышление является *историческим*. Только мышление людей, связанных друг с другом через «братство по смерти», – не через появление из женского лона, а через уход в могилу как антитезу женскому лону, *братскую могилу*, – приобретает измерение «историчности», – в отличие от мышления индивидуально Маркса, Гегеля. То есть может быть какой угодно гений, но его мышление не исторично. А вот мышление, допустим, «Народной воли» в тысячу раз слабее, дефектнее, чем мышление Гегеля, но в отличие от Гегеля оно *исторично*. Потому что в мышлении радикального братства отражается какой-то частью, какой-то тенью (чем больше, тем лучше, конечно) Замысел Всевышнего.

Задача состоит в том, чтобы Провиденциальная Мысль, которая изначально является неопределённостью, изначально является *неутверждением*, изначально является апорией, чтобы она отразилась в мышлении здесь, и эта община, эта группа связанных между собой братьев становится инструментом её реализации. Но, конечно же, реализация для всех участников – это абсолютная жертвенность. И это не значит, что каждый из них должен пойти и умереть, бросив все дела, – и наплевать, что будет завтра. Нет. Эта абсолютная жертвенность должна быть *исходным и перманентным состоянием*. При этом эти люди могут прийти к серьёзным постам, к власти, дожить даже до преклонных лет, – это неважно. Обстоятельства того, погибнет ли этот человек в двадцать лет или умрёт в восемьдесят (победив или не победив, в застенках), – это всё неважно. Главное, что всё его существо проникнуто пассионарной *волей к смерти*. А *смерть* он понимает как открытие природы своего сознания, как проекцию *невозможного* внутрь себя. *Смерть – это уход в невозможное*. А *невозможное* внутри, до того как оно ещё не состоялось в качестве моего конца, – это моё *сознание как свидетеля*. И когда ты

понимаешь, что твоё свидетельствование, твоя смерть и твоя миссия «ключа, которым поворачивается запертая дверь Реальности», – это одно и то же, то это и есть удел радикала.

А «восхождение» и «отождествление» – это путь совершенно другой, это пантеистический путь, это путь инициатической идентификации. Это взаимоисключающие пути.

> *Не слишком ли мы просто относимся к такой фигуре, как Гегель, исходя из школьных представлений об изначальном тождестве «бытие – мышление», «инобытие духа» (то, что вы называете «реальностью»)? Ведь в его философии доминирует то, что переводится как чудовищная мощь негатива, причём этот негатив духовной природы, и без этого негатива монизм Гегеля был бы слишком прост, безвкусен и неинтересен.*

Гегель говорит как раз об этом негативе как функции *бесконечности, предоставленной самой себе*. Мы говорим об одном. Просто у этого негатива есть функциональное содержание: *этот негатив не самостоятелен*.

Древние греки «бесконечность» воспринимали как крайне отрицательный термин. Они её боялись, они её отрицали, они её не любили, потому что они прекрасно понимали, что бесконечность не может иметь контента. Это потом, уже в платоническом, постплатоническом мире бесконечность наполнилась идеей «бытия, блага, света», идеей нелимитированного позитива. Для древних греков бесконечность была «косой отрицания». Потому что бесконечность – это снятие всяких лимитов. А лимит – это как раз жизнь. Лимит – это конкретность, это жизнь, это определение, это фиксация. А это – диссолюция (как вот есть Абсолют – великий «растворитель»). Они не хотели этого.

Но у *бесконечности* есть же функциональная цель, потому что (это мы забегаем вперёд) у Провиденциальной Мысли Всевышнего есть одна фундаментальная особенность: её изначальность (как бы она сама в себе) столь страшна, что она не может существовать в том виде, в каком она *соприродна* самой себе. Поэтому она, эта Мысль, немедленно, в момент своего *самообнаружения*, тут же маскирует себя. Эта мысль изначально *страшна и невозможна*. И первым её как бы проявлением является перевод себя в *инобытие*, которое более «терпимо», условно говоря. То есть изначальная Мысль является фундаментальным *неутверждением*. Но следующее («скорлупа» этого, как бы) – это *невозможное*. То есть это фундаментальное *неутверждение* выступает в качестве *невозможного*. А *невозможное* тоже страшно и немыслимо и поэтому выступает в качестве *отрицаемого*, то есть *невозможное* – это то, что *отрицаемо*. А если есть *отрицаемое*, то есть и *отрицающее*. И это *отрицающее* есть тот самый негатив, *с которого все начинают*. Все начинают с негатива: индусы начинают с негатива, Гегель. Бесконечный негатив. Но это всего лишь внешнее одеяние, которое оправдывает ту тайну, которую этот негатив *отрицает*.

Тайна существует в форме отрицания себя. Попросту говоря, если перевести это в теологический язык, можно сказать так: «Бог существует в форме неведения о Себе». Истинный Бог. Потому что, когда люди говорят о боге, они имеют в виду Великое Существо, то есть они имеют в виду «grande être», «световое бытие». Но для нас это абсолютный противник. А истинный Бог, или лучше сказать Субъект (поскольку «бог» – это субстанциональное слово, связывающее нас с почвенной традицией), подлинный Субъект, – это то, что может быть дано только в форме *абсолютного неведения о Самом Себе*. И подлинный Субъект – это *абсолютное неведение*, которое существует в форме чистого негатива, заменяет неведением *второго контура* в виде *тварного бытия*. А вот в это *тварное бытие* Он вводит блик Самого Себя в виде того, что в нашем сердце существует как несовпадение. И отсюда идёт всё это раскрытие поэтапного взрыва.

Для Гегеля ведь не существует проблемы отчуждения Духа, потому что Гегель однажды сказал, что «теология, которая говорит о Боге как о *другом от человека*, – это теология, не име-

ющая отношения к уму», то есть такая «внеумная», «туземная» теология. То есть, по Гегелю, только та теология «умна», только та теология интегрирована в цивилизацию, которая не различает между богом и «приехавшим» человеком, который является финальной стадией…

> *Хочу заметить такую вещь, что без Гегеля не было бы Маркса. Он «заземлил» и перекодировал его философию. Без Маркса не было бы Ленина. И не такой уж идиот был тот же Герцен. Ведь это же алгебра революции. Оттуда брали какие-то эти вещи: в частности, это «отрицание». Может быть, его не до конца понимали во всех нюансах…*

Проблема в том, что Гегель был – несмотря на то что он завершал платоническую линию западной мысли – либерал. Потому что он стоял на платформе, конечно, очень сложного дискурса, но он был абсолютный *имманентист*. Он был пантеист с акцентом на *имманентизм*. В конечном счёте именно благодаря этому из него можно делать «правые» и «левые» выводы. Левое гегельянство, которое пошло путём Фейербаха и Маркса, стало возможно именно потому, что Гегель – либерал (имманентист). У него нет прорыва во «взрывающуюся пылающую Тьму». Тьму, которая превращает всю реальность в апорию, нуждающуюся в парадоксальном разрешении, – разрешении, не заложенном в условиях задачи.

Суть Провиденциальной Мысли именно в том, что она – апория, потому что её разрешение, как неустойчивая динамика неопределённого, предполагает решение, не заложенное в условии задачи. Возьмём классическую апорию «Может ли Ахилл догнать черепаху?» Ответ на этот вопрос предполагает исчисление бесконечно малых, которые не заложены в условиях, сформулированных Зеноном. Это пример. Потому что в самой изначальной Провиденциальной Мысли так же точно предполагается, что её решение предполагает инструментарий, который не входит в контекст первозданного Замысла. Он формируется за пределами первозданного Замысла. И для этого нужна динамика макросюжета *творения и оппозиции творению*. Иными словами, может ли Всевышний, Всемогущий сделать камень, который он не может поднять?

Бог не может Сам ответить на оба конца апории. Он не может Сам это сделать, потому что если Он создаст такой камень, то это будет ограничение – с одной стороны, не создаст – с другой. И Он должен создать Адама, который выполнит эту задачу таким образом, чтобы у Творца были развязаны руки по отношению к этой апории. В этом суть радикализма. Понимание этого и понимание себя как «ключ к решению поднятия этого камня» – это и есть суть радикализма.

> *Гегель, особенно левое гегельянство и его исчадие Маркс, не случайно создавали революционные теории. Есть в Гегеле, как бы мы его не интерпретировали, определённого рода радикализм. Сейчас просто не будем вдаваться в детали, но он там заложен.*

Я согласен. Гегеля мы «сливать» не будем, но Гегель нам нужен как точка отталкивания. Нам Гегель нужен для того, чтобы сделать к нему «фотографию», основанную на негативе: вот есть Гегель черно-белый (не то, чтобы в версии «левый» или «правый»), а он нам нужен в тех местах, где он чёрный – белый, и в тех местах, где он белый – чёрный. Нам нужен негатив от Гегеля.

Вообще, в XIX столетии люди говорили такие глупости, и это всё считалось очень серьёзно.

Я прочёл «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг» ещё будучи в 10 классе, и ничего страшнее не читал в своей жизни. Если это левое гегельянство – извините…

> *Но они отважились, тем не менее, как Вы любите выражаться, на реальное историческое делание.*

Правильно. И где оно теперь? Мы сидим у разбитого корыта, и более того, в этом корыте стирали грязные, мерзкие, ссаные пелёнки, потому что весь «советский опыт» – это на самом деле не что иное, как стирка в корыте на задворках трущобы, где живут пролетарские жены, развешивающие белье на бельевых верёвках. Я не говорю, что надо джакузи, но надо просто выплеснуть воду, ребёночка.

*Но мы-то с вами состоялись, мы все-таки оттуда, – пусть мы отрицали этот контекст, но он каким-то образом создал условия для того, чтобы…*

Я не думаю, что мы состоялись потому, что где-то, в какой-то туманной дали, виднеется Гегель. Хотя на самом деле Гегель для меня был путеводной звездой лет до 19. Я проанализировал кристаллизацию своего внутреннего центра, и эта кристаллизация связана с антигегельянством. Я как раз ориентировался на Гегеля, потому что он давал мне возможность отталкивания – стенку, от которой можно отпихнуться. А всё-таки кристаллизация шла через…

*Декарта?*

Нет. Я очень поздно понял величие Декарта, я не осознавал долгое время, что Декарт очень глубокий и дающий огромные возможности мыслитель. Думаю, что я очень рано стал понимать, что *то, чего нет*, – не именно *небытие*, не *ничто*, не результат снятия, не ноль, – а именно *то, чего нет* (то, что функционально действует через своё отсутствие), – вот оно и есть сердцевина сердцевин. Преодолел Парменида (парменидовская вторая половина в его «Бытие есть, а небытия нет»). А если представить себе, что это «нет» гораздо более важно, гораздо более «центральное», чем Бытие? Что «бытие есть» – это бессмысленное, а в «бытия нет» есть смысл. Для меня этот инстинкт был лидирующим. А Гегель требовался как клумба, на которой этот цветок надо было вырастить. Потом я понял, что Гегель – это этап…

*А поздний Николай Кузанский, трактаты «О неином», его суждения об универсальной возможности?*

Мы всё это знаем. Это более или менее изощрённые формы пантеизма. Это философия тождества. Философия тождества относится к монолитной метафизике язычества, как бы она себя ни позиционировала и как бы ни «садилась на хвост» авраамическим религиям Откровения. Во-первых, религии Откровения не выполняют свою функцию – кроме чистого ислама. Все остальные религии давно сидят либо в Каббале, либо в платоновском, неоплатоновском субстанционализме. Разрыв с метафизикой тождества может осуществиться только через радикальное переосмысление всего – в том числе с понимания того, что Бытие и сознание абсолютно противоположны друг другу. Причём сознание – *антисубстанционально, внесубстанционально*. Субъект – это *то, кого нет*. Это весы: это – есть, этого – нет. Не может быть никакого тождества, не может быть соединения в экстазе постижения, когда исчезают субъект и объект. Это всё абсолютная ерунда. Именно весы, в которых нет синтеза. *Тезис и антитезис абсолютно враждебны.* А преодоление их поляризации находится не в их соединении, а в том, чего они *лишены* в равной степени оба. Вот тайна. Не *позитивное единство тезиса и антитезиса, а негативное единство*, когда тезис и антитезис уравнены своей «нищетой» по отношению к *тому*, о чём оба не знают. Это путь преодоления монизма, путь взрыва монизма.

*Нет ли некоего такого рассогласования между идеологией радикала как братства, если я правильно поняла, с индивидуальным волюнтаризмом? И второй вопрос: можно ли Мишку Япончика назвать радикалом?*

На второй вопрос сразу отвечу. Мишка Япончик являлся еврейским либералом с некоторыми задатками «правильного пацана», который «отвечает за базар». Во-первых, он хочет жить хорошо, а во-вторых, он весь – в *этой* жизни и он не верит ни в какие реальные другие

ценности. Мы знаем, что настоящие криминальные радикалы – это лидеры политических казачьих восстаний, а не такие персонажи, как Япончик. Дело в том, что мы неправильно понимаем, что такое либерализм. Под либерализмом мы всегда понимаем человека в жилетке, с цепью по животу, адвоката Резника какого-нибудь. Но либералы могут быть очень страшными, очень крутыми, могут расстреливать пачками, если нужно. Криминал же «мочит» всех. Но либерал всегда остаётся либералом. Потому что ради чего он это делает? Ради того, что «сейчас настреляю всех, кто мне мешает, но зато оторвусь на Лазурном берегу». И это сразу всё перечёркивает. Куда хотел попасть Мишка Япончик в своих мечтах? На берег Бискайского залива со своей Цилей. При чём тут радикал?

Первый вопрос. Индивидуальный волюнтаризм опять нас вводит в либерализм. Я понимаю, что человек не согласен с детским садом, с «училкой», с дисциплиной, с авторитетом и так далее до тех пор, пока в насилии над собой среды он видит насилие над собой бессмысленного, абсурдного бытия. Бытие абсурдно по своей сути. Смысл ему придаёт только конфронтация с ним. Но в какой-то момент эта точка рассогласования должна признать, что индивидуальность тела (инстинкты, психика, склонности) – это тоже часть среды. «Я против училки, я против мента» – и на этом уровне я думаю, что «я» – это этот «я», которого «прессуют», в наручники заковывают, ставят в угол, отчитывают. Но в какой-то момент я должен понять, что моё тело и связанные с ним психические инстинкты – это часть той среды, которая противостоит моему сознанию.

И тогда я должен опереться на такой «технологический» устав некой армии, «устав гарнизонной службы», который поможет мне правильно и грамотно оппонировать враждебной среде. И оказывается, что это *шариат*. Оказывается, что шариат – это и есть тот «устав», который вне произвола «училок» и «ментов» сообщён из парадоксального, трансцендентного центра моей *точке несогласия* со всем «этим» для того, чтобы эта *точка несогласия* была успешной, чтобы братьям взаимодействовать между собой таким образом, чтобы они были не бандой партизан, а армией в походе. И альтернативы шариату нет. И если я подчиняюсь шариату, то, конечно, индивидуального волюнтаризма уже быть не может. Но это не закрепощение себя в наборе глупых правил, а на самом деле *шариат – это устав взаимодействия между собой людей, которые Против*. Надо понять, что люди, которые *против, – Против* большими буквами. Вот какой устав им дать? Армия – не *«против»*. Армия защищает «отечество», Брежнева, Путина. Партизаны? Они тоже воюют за независимость незалежной Украины или за Чечню. А вот *люди, которые против*, – что им дать? Им можно дать только *шариат*. Это единственный уникальный ход, который обеспечивает взаимодействие и поднятие над индивидуальным волюнтаризмом *тех, которые Против*. Это уникальная вещь.

Вот там суфии говорят, что шариат – это «ограда», а за этим есть *хакикат*, истина, познание истины. А за этим *ма́рифат*, то есть погружение в чистый духовный «экспириенс». Это всё чушь.

*Шариат* – это, во-первых, чистый устав. Это не цель установить государство, а это устав, без которого невозможно решить никакие задачи. Но замысел *шариата* предполагает эзотеризм на пути чистого монотеизма, который эзотерикам от метафизики тождества даже и не снился. Потому что на самом деле о настоящем эзотеризме ещё ничего не сказано. Эзотеризм, о котором я говорю, это эзотеризм *невозможного*, это подлинный эзотеризм. А эзотеризм «растворения» в великой идентичности пылинки с Абсолютом – это глупость, это на самом деле конформистское примирение с абсолютным негативом, который тебя ничтожит, чтобы не брыкался…

Генон же открытым текстом сказал, что обычную тварь Рок влечёт за волосы, за ухо и ничтожит, а инициатический эзотерик делает то, что всё равно является путём всякой твари, но он это делает на духовном внутреннем уровне: то есть тварь ничтожится – и он ничтожится, но он ничтожится «духовно» – в отождествлении и «освобождении». А остальных смывает,

слизывает. По сути, это одно и то же: уход «в ноль». И поскольку ты не можешь избежать этого ухода «в ноль», ты говоришь: «Я иду путём посвящения, я просто знаю, что на самом деле меня нет, и то, что я думаю про себя, что я Иван Иваныч, – это колесо сансары; сейчас я освобожусь от этих лимитаций и буду *дживанмукта*, буду освобождён». Ну, или я могу быть просто Иван Иванычем (вспомним «Управдом перед смертью» Мамлеева) и сдохну, размышляя о том, поставят ли мне мемориальную доску на этот дом.

На самом деле эзотеризм Традиции, эзотеризм попов, гуру, старцев, шейхов, – это эзотеризм Сатаны. А эзотеризм, который связан с настоящим монотеизмом, – это сияющее чёрное пламя, это *ан-нуру ас-самавати валь-ард*, это «свет небес и земли», который, как известно, рождается из чёрного, просветляемого ещё более чёрным. Поэтому *путь радикализма – это путь истинного эзотеризма против ложного*.

> *В Коране есть места, где Всевышний клянётся, и одна из клятв звучит следующим образом: «Клянусь тем, кто свидетельствует, и засвидетельствованным». Можно ли понимать этот аят как указание на рефлексию, к которой приходит свидетель, свидетельствующий собственное сознание?*

Я всю дорогу именно об этом и говорил. *Шахада* как смерть по свидетельствованию и свидетельствование как гносеологический акт «рефлексии о рефлексии», сознания того, что ты сознаешь, – это две стороны одной монеты. Пока мы живём, *точка несовпадения ни с чем в нас* есть центр постижения, свидетельствования и отражения. Но в тот момент, когда наш механический аппарат останавливается, эта точка совпадает с тем *непостижимым* и *невозможным*, бликом чего она являлась при жизни. Как, допустим, «зайчик», который ты пускаешь на стену благодаря тому, что у тебя зеркальце. Но ты его убрал – и этот «зайчик» ушёл в тот свет, который рассеян и невидим. Условно примем этот свет за то, чего мы не знаем и не видим, – этот свет существует *вне данности*. А поставил зеркальце – и этот свет проявился в качестве блика. То есть *сознание и смерть – это две стороны одной монеты, это одно и то же*. И разница между сознанием и смертью как двумя сторонами – это наличие нашей физической индивидуальности, которая является механизмом выделения «скважины» в качестве обособленной *точки присутствия. Отсутствие, которое естественное присутствие.*

И тут ведь в чём дело? Всевышний обещал нас воскресить на Страшный Суд, Он обещал воскресить именно *эту точку* в том виде, в каком она была исторически *здесь и теперь* для каждого. То есть это означает, что моё тело – это «Иван Иваныч», точка во мне при жизни – безымянная, но когда я буду воскрешён, то воскрешена будет именно эта точка под именем «Иван Иваныч». То есть она получит индивидуальное, персонализированное, уникальное бытие, реальность (не бытие, а именно реальность), – она получит имя. Сейчас она скрывается под маской меня физического. Точка понимания, которая во мне свидетельствует о внешнем, связана с мигом *здесь и теперь*, но она не имеет моего имени. Это тело имеет имя. А когда я буду воскрешён при втором Творении, именно эта точка будет иметь имя. И если человек входит через узкий мост в Сады праведников, то точка получает имя уже не как блик, брошенный светом через зеркальце, а как блик, эмансипировавшийся от своего источника, – самостоятельное бытие с именем. В этом суть трансформации: то, что было безымянным в обладающем именем, становится источником имени, носителем имени там, где Бытие как бесконечный абсурд полностью снимается.

> *Радикал, который пришёл к тайне перцепции, действовал как радикал, но он не сделал шаг в сторону принятия пророческой миссии, – его посмертная участь будет такая же, как у либерала и традиционалиста?*

Дело в том, что, когда мы говорили о радикале, я не случайно сказал, что мы обсуждаем «виртуальную» схему абсолютной рефлексии. То есть мы говорим о некоем несуществующем

идеальном радикале, который будто бы всё понял о самом себе, всё понял о своём сознании, о том, что Бытие и сознание – противостоящие полюса; это схема, которую не нужно понимать всерьёз как «рабочую схему». Потому что в реальной жизни таких радикалов не бывает, то есть не бывает таких состоявшихся носителей абсолютной рефлексии. Потому что, если нет зеркала и, предположим, нет других людей – человек вырос сам по себе (вне зеркал, рядом никого нет), один, – он, конечно же, видит вокруг себя предметы, но он же не знает, почему он их видит, то есть он своих глаз-то не видит. Он не знает, что у него есть такой орган, как глаза: для того чтобы увидеть глаз, надо увидеть другого человека или себя в зеркале.

Поэтому в реальной жизни радикал видит вещи, но он не знает, почему он их видит. Для того чтобы человек узнал о том, что в нём есть *нечто, не совпадающее ни с чем*, что он видит, – ни с чем потенциально могущим быть заданным для него как для чувствилища, – для этого нужно Откровение. Откровение потому и даётся, что оно приходит из *внереального*, из *невозможного*. Это тот мост или та «вольтова дуга», которая соединяет *невозможное* как источник с чёрным бликом внутри, который этим *невозможным* отброшен вглубь этого бытия, частью которого я являюсь. Еще раз подчёркиваю, что я говорил об «абсолютной рефлексии как идеальной модели», но её не существует в реальной жизни.

В реальной жизни нет никаких сил, которые бы человека вывели на понимание того, что такое сознание. Даже если ему показать, что это сознание у него реально есть и работает, он этого не поймёт. А показать это можно очень просто. Каждый испытывал шок, когда вошёл в тёмную комнату, где думал, что он один, и вдруг кто-то зашевелился сзади или положил ему руку на плечо, и его подбросило от испуга. Что происходит в этот момент? Человек встречается реально с этой самой «скважиной» в себе, со своим истинным, внутренним Я, которое является *точкой несовпадения ни с чем*. Я говорю о том, что происходит долю секунды, – нужно условие, согласно которому ты думаешь, что ты один. Это может быть в разной ситуации: вошёл в тёмную комнату, вошёл в пустой дом или сидел у костра и отошёл от освещённого пространства куда-нибудь в скалы, и вдруг в кустах что-то зашевелилось, – испытываешь шок. Что при этом происходит? Происходит то, что ты думаешь, что ты один, а вдруг в твоё ментальное поле входит *реально* (не концепция, не мысль, не слово) опыт *другого*.

Причём подчёркиваю: неважно, что ты знаешь, что за окном спальни, где думал, что ты в темноте один, или за пределами освещённого костра, сидят твои товарищи, какие-то люди присутствуют. Ты, когда испытываешь *это*, ты обязательно должен знать, что в том пространстве, где ты сейчас *экзистенциально*, – ты один. И вот появляется через шорох, через движение, через присутствие идея *другого*. И когда появляется идея *другого*, происходит момент ужаса, «схлопывание», когда внезапно этот *другой* оборачивается тобой, твоим глазом, который смотрит. То есть ты встречаешься с чёрной амальгамой зеркала. Ты представляешь собой зеркало, и зеркало обнаруживает, почему оно отражает, – потому что у него сзади чёрная амальгама, не пропускающая свет. Оно ведь ничего не видит, кроме этой чёрной амальгамы, и в какой-то момент зеркало начинает воспринимать только чёрную амальгаму себя. Это длится доли секунды, и если это продлится чуть больше, то человек может умереть, потому что это его «разносит». В этот момент он действительно обнаруживает природу собственного сознания и природу смерти. Но он не успевает её осознать, потому что тут же всё проходит и остаётся только адреналиновый всплеск, который оседает. Но то, что называется «сатори», – это разбавленное раз в сто состояние шока, испуга. То, что буддисты ищут в качестве дикого кайфа, ради которого они приехали, – это этот шок, но разведённый «один к ста». А для радикала – это просто знак, который он должен интерпретировать, но уже задним числом, когда он опирается на Откровение.

А так ведь практически каждый это испытал. Ну и что толку? Разве кто понял, что он испытал встречу со своим гносеологическим центром, со своим свидетельствующим «я», со

своим свидетельствующим сознанием? Да никто ничего не понял. То есть невозможно без опоры на Откровение принять участие в Провиденциальном Замысле как в сюжете.

А что значит «не принять участие в Провиденциальном Замысле как в сюжете», а быть «всё понявшим» и так далее? Это означает следующее: на сцене идёт «Гамлет», а ты из зрительного зала вышел и начал кривляться перед зрительным залом и сценой, повторяя жесты актёров, воспроизводя реплики, абсолютно не понимая, что это пьеса, которая поставлена режиссёром, что она несёт в себе определённое послание. А есть такие сумасшедшие, фрики, – когда что-то происходит на сцене, они выбегают и как бы начинают тоже участвовать в этом, начинают что-то воспроизводить…

Но здесь есть другая сторона. Откровение требует *политической философии.* И не только политической философии, но концептуального сквозного дискурса, который задействует всё, то есть он втягивает в себя все эти проблемы, о которых я говорил: от Абсолюта, то есть противостояния Абсолюту, до противостояния политической действительности, бытовой действительности. Сквозной дискурс, некоторой попыткой создать который являлся марксизм. От «диалектики природы» до «исторического материализма». Нам необходим аналог этого.

И что произойдёт, когда такой дискурс будет создан? Но этот дискурс возможен, потому что есть Откровение. Оно ведь было. Мы не можем действовать в этом мире и делать вид, что его не было. Мы не можем делать вид, что как будто мы сами всё надумали. Потому что это будет ложью. Но мы можем на базе этого Откровения, не упоминая его, сформулировать такой сквозной дискурс, который снесёт и Левинаса, и Хабермаса[6], и будет очевиден для интеллектуалов любого убеждения и разлива, – ну как марксизм. Никто же не говорит, что марксизм – это гегельянство, а гегельянство – это Лютер и поэтому, дескать, каждый, кто стал марксистом, тем самым сразу стал протестантом в своём первозданном ключе. Это же не так происходит. Но на самом деле как бы и так: каждый, кто стал марксистом, в некотором смысле стал участником Реформации, в каком-то смысле участником протестантского пафоса, но не осознавая этого. Но я хочу сказать, что этот пример, который был в прошлом (это ведь некий пример, некий образ), – его надо поправить, он не идеален.

Надо стремиться к тому, чтобы каждый, кто усвоил политический дискурс радикализма, тем самым стал бы *му'мином*, пришёл бы к тому, чтобы стать мусульманином, но мусульманином именно как носителем Провиденциального Замысла. И мы должны быть среди всех, кто сражается: мы должны быть с колумбийским ФАРКом, мы должны быть с кубинцами, мы должны быть с теми, кто сражается в Африке (неважно какой), мы должны быть вместе с теми, кто во Франции выходит против гей-браков, мы должны быть всюду со всеми, но не в антиглобалистском мусоре, а мы должны перехватить инициативу у тех, которые оседлали левый дискурс и на нем въехали в Клуб – в «совет директоров акционерного общества» под названием «Глобальное общество». А сейчас левого уже нет ничего и правого нет. Либерализм «на слив». «Левые» и «правые» имеют смысл только в либеральном пространстве.

А есть единственная вещь, которая имеет значение – *протест*. И мы должны курировать протест, курировать кризис. А для этого нужно иметь сквозную идеологию и философию кризиса. Об этом мы ещё будем говорить, потому что на самом деле это фундаментальная часть радикального сознания: понимание реальности как динамически текущего кризиса. Но не то, что ты жертва кризиса, а ты должен быть «топ-менеджером» этого кризиса. Это единственный ответ на то, что сегодня мы являемся пролетариями внутри глобального общества, пролетариями внутри системы. Ответом на это может быть только превращение в «топ-менеджера» кризиса этой системы.

*Вот выходят в финал два клуба – клуб традиционалистов и клуб радикалов, – может ли опыт традиционалистов подготовить некие*

[6] Эммануэль Левинас (1906–1995) – французский философ. Юрген Хабермас (род. 1929) – немецкий философ и социолог.

*концепции, чтобы отвести потенциальных пассионариев ума и тела в сторону (некий новый концепт, новую идеологию)?*

Дело в том, что само определение «клуб традиционалистов» предполагает исключение новых концептов, потому что традиционализм и Традиция имеют уже заданный контент, который может только углубляться, расширяться и переформатироваться, но выйти за пределы его не может, как хорошо показывает пример барона Эволы. Барон Юлиус Эвола пытался говорить от имени касты воинов, то есть он говорил, что с Геноном он не согласен, потому что Генон стоит на платформе высокого сакрального клерикализма, является носителем дискурса жречества. А Эвола, понимая всю прелесть и обаяние Генона, является носителем дискурса кшатриев. Но никаким носителем дискурса кшатриев он и не стал. Он всего лишь представлял собой некую версию «неогибеллинизма», который целиком всё равно сидит внутри этой системы. Даже настоящий гибеллинизм имел проблески радикального, а Эвола в этом плане продемонстрировал, что традиционалисты не могут вырваться за очень жёстко очерченный периметр. Некоторый спор между аристократами и попами: «Кто главный?»

Я думаю, что традиционалистский клуб достаточно опасен и страшен и без изобретения каких-то новых концептов, потому что он является «комитетом по встрече Антихриста». Традиционалистский клуб является воплощением в этом нашем зеркале мира отражения Иблиса, – он является фактором бытийного, онтологического присутствия Великого Существа в рамках этого отдельно взятого мира. Это очень много. Победить его без прямой помощи Провиденциальной Мысли, которая вторгается сюда через посылку сюда Махди (да ускорит Аллах его приход), невозможно. Возможно только сражаться, выполняя свой долг, и если твои усилия приняты Провиденциальным Замыслом Всевышнего, то тогда Махди нам послан и мы возглавлены, и тогда мы побеждаем в Последней Битве, Битве Конца.

Но если мы оставлены, если мы не поддержаны, то самостоятельными усилиями победить непосредственно Бытие (без этой поддержки), то есть каким-то путём индивидуального посвящения, путём сосредоточенности, уйти в пещеру или в пустыню и там сосредоточиться на проблеме сознания в противоположности Бытию, – это путь в никуда. Как я сказал, индивидуальная гениальность *антиисторична, внеисторична*. Только *джамаат*, только община братьев является носительницей субстанции этой эссенции истории, то есть «деланья деяния», сюжетного деяния, которое является динамикой превращения. Когда Лир раздал своё имущество дочерям, потом пошёл по ним, разочаровался в них и проклял, – оказалось, что ненавидимая дочка оказалась подлинной, настоящей, а любимые дочки – не настоящие. Вот всё это (всю эту сюжетную мысль) можно пройти только в коллективе «актёров», объединённых «режиссёром», на основе написанной уже «пьесы».

*Как Вы думаете, какая будет борьба?*

Она будет всесторонней. Прежде всего сразу скажу, что победа традиционалистского клуба, уход либералов – это означает уничтожение национальных государств, это будет мировое правительство, это будут частные военные компании вместо армий, это будет беспощадная жестокость, это будут болезни, голод, истребление всевозможными способами, распространением эпидемий, это будут удары с воздуха.

Ответ на это может быть тоже сложный, многообразный, беспощадный. Необходима гражданская война по всему миру. Весь мир должен быть ареной сплошной гражданской войны. Но она может быть скрытая, открытая, где-то в каких-то регионах достаточно давления на местную администрацию, где-то она сотрудничает, где-то открытая конфронтация. Я должен сказать следующее: мусульмане не должны быть в гетто, в гетто собственной конфессиональности, мы должны опираться на Сиру Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). В последний поход на Шам армия Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) шла вместе с бедуинами, не принявшими ислам, то есть с *джахилами*, которые шли рядом,

рука об руку, и они были допущены к тому, чтобы воевать вместе. Это для нас пример. Всюду, где существует борьба, мы должны быть там, и мы должны помогать всем, кто восстаёт против мирового порядка. Везде и всюду люди восстают против мирового порядка, и они должны получать ответ.

Там речь идёт не о каких-то гей-браках, а о том, что все основания реальности, матрица, само доверие к факту своего рождения, укоренённости в этой ткани жизни, должны быть подорваны. Человек должен повернуться против этого, послать это подальше от себя. Всё остальное – нищета, трущобы, педерастия, детская преступность – это всё маленькие плевочки и щупальца главного вопроса: существует Тьма (Тьма как Зло), потому что мы укоренены в неопределённости, которая, с одной стороны, является божественной, а с другой стороны, она является злом в том плане, что проектным идеалом мысли является *утверждение*. А это *утверждение* состоится лишь в результате того, что мы проживём полноту этого сюжета. Сегодня мы укоренены в зле, антитезой которому мы являемся. То есть всё, из чего мы состоим, всё, в чём мы движемся, – это зло, потому что это *отсутствие утверждения*, которое является *финальным*, абсолютным *утверждением*, не допускающим ничего, кроме себя.

Мы живём в открытом космосе, в котором ничего не закончено, ничего не постулировано, ничего не завершено. Но есть Замысел, данный нам для того, чтобы мы участвовали в том, что этот Замысел состоится. Это Божественная воля, предполагающая реализацию этого *утверждения*. Я же сказал в какой-то момент, что в условиях Мысли решение апории, которая задана Мыслью, возможна лишь при содействии ресурсов и инструментария, которых в этой Мысли нет. Как в погоне Ахилла за черепахой отсутствует (в параметре этой апории) исчисление бесконечно малых, отсутствует дифференциал и интеграл. И поэтому без понятия континуума, который не предполагает разрыва на части, невозможно эту апорию решить. Но в самом формате задачи этот инструментарий отсутствует. Просто сама динамика задачи, сама концентрация этого неадеквата, дисбаланса поставленной формулировки, рождает средства, которые не оговорены в задаче. То есть мы видим, что Ахилл догоняет черепаху, мы понимаем, что в постановке вопроса он не может её догнать. И из двух этих столкновений (кремень о кремень) рождается совершенно новая методология, то есть понимание исчисления бесконечно малых, которое решает этот вопрос.

Вот, собственно говоря, мы движемся внутри этого, и мы должны приводить людей к этому пониманию. Конфессионально это сегодня непродуктивно – то есть говорить о спасении души, об аде и рае. Люди просты, но вместе с тем они усложнились настолько, что думают, будто они очень сложны. То есть «эзотерически» объяснять им, что такое «жизнь будущего века», что такое рай и ад, – они не поймут. Объяснять им на пальцах, как крестьянам XIX века или как бедуинам VII–VIII века, – тоже не воспримут. Их сегодня нужно вводить в эту тему через политический дискурс, когда мозги переформатируются, и он понимает, что «да, те параметры, в которых я существую как единица света, связаны с выходом за рамки тех условий, которые я полагал непреложными, а они оказываются отменяемы». Реальность отменяема.

*Можно ли смоделировать момент испуга и само сознание как-то вывести в этой модели пьесы?*

Нет. Испуг (это особое переживание) даётся каждому по жизни как великий дар, как возможность реальной встречи с собой, то есть с истинным «я». Но как всякий истинный дар, он никем не осознается. Истинный дар отличается тем, что он не может быть осознан; тем, что это жемчуг, брошенный под ноги свиньям. Это особенность истинного дара. Каждый получает этот опыт, и он так и остаётся втуне.

*А каким образом можно собрать эти крупицы, этих пассионариев, радикалов, которые уже кристаллизовались, но они не знают, что им делать в данный момент?*

Раньше была институционализированная каста воинов, она была в рамках иерархического сословного общества (дворянство шпаги, знать, дворяне; дворянство – не совсем каста воинов, это сословие, но совпадающее «технически» с кастой воинов). Каждый человек рождается, относясь к определённой касте, – рождается же человек с определённым цветом глаз: он же не может родиться без цвета глаз или цвета волос. Так же он не может родиться вне касты. То есть либо он жрец, либо он воин, либо торговец, либо пролетарий. Но, естественно, он может родиться с нарушением этого – родиться в смешении касты, – и тогда он будет парией, *чандалой*, то есть его роль будет разлагать, вводить какую-то смуту, симулякры, быть актёром, например, позировать в функции, которой он не соответствует. Чем больше мы проходим по времени, тем больше *чандал*, которые симулируют. Соответственно, либералы – это *чандалы* по преимуществу. Потому что либералы – это не буржуа, это не вайшья. Либералы – это люди свободных профессий: адвокаты, зубные техники, художники, актёры, певцы, то есть такие персонажи, которые живут с общества, которых набегает такое количество, что они составляют политический клуб в какой-то момент.

Были кшатрии, которые на Западе были кастой воинов, дворянством, знатью. Но недолго, поскольку Запад, по некоторым соглашениям с «Великими неизвестными», которые курируют сакральную политическую географию, был назначен в качестве «топ-менеджера», и у «топ-менеджера» в какой-то момент возникла необходимость абсолютистского монархического государства. В абсолютистском монархическом государстве каста воинов абсолютно ни к чему, поэтому её стали под корень вырубать и заменять регулярными армиями с офицерами, которые брали патенты[7], лицензии и становились «промежуточными». По инстинктам они ещё были воинами, а по своему статусу они были людьми с погонами и в сапогах, то есть «бюрократами в погонах». И возник конфликт: люди, которые ещё со шпагой ходили, и люди, которые уже ходили с патентом, заткнутым за обшлаг мундира, – между ними возникла нестыковка. И появилась Фронда, принц Конде пытался что-то возразить очень неумело. Всех их загнали, уничтожили, и потом уже появились армии, которые чётко манипулировали, строились, из мушкетов стреляли. Это был конец касты воинов. Их загнобили, уничтожили. Дворянство люмпенизировалось. И появились одинокие герои. То есть смерть касты воинов на Западе привела к появлению одиноких героев.

Одинокие герои – это фундаментальный феномен Нового времени. Какая перед нами задача? Перед нами задача собрать одиноких героев снова в касту через политический клуб радикалов. Одинокие герои должны снова собраться в касту. Мы знаем, кто такие одинокие герои. Это Баадер, это Че Гевара, это Фидель Кастро, это Чавес, но еще и люди более радикальные, особняком стоящие. Много одиноких героев. Но собрать одиноких героев можно только через политический клуб. Через конфессиональное поле, через ислам это невозможно сделать, потому что один одинокий герой будет у нас «салафитом», другой одинокий герой будет «ихваном», третий пойдёт в «Хезболлу» ливанскую. Почему? Да потому что дискурс Корана носит слишком общий характер, его необходимо конкретизировать через этапы погружения его в терминологическую мысль. Ведь, с одной стороны, у христиан есть Евангелие, а с другой стороны есть Гегель. Гегель читает лекции о христианстве. Но какая многоступенчатая градация между Евангелием и Гегелем! Чтобы пройти от Евангелия к Гегелю, нужны были колоссальные интеллектуальные усилия. Я не говорю сейчас о том, насколько Гегель соответствует Евангелию, – меня интересует только, что есть один полюс и есть другой, и между ними масса переходов. А у нас есть Коран, который не расшифрован.

Коран, который не расшифрован, предоставляет возможность различным проходимцам выступать в качестве «дешифровщиков». Но они не выступают с объяснениями того, что «здесь сказано так и так-то», а они говорят: «Вот надо так: надо просто идти и мочить, допустим,

---

[7] Система комплектования офицерского корпуса, при которой офицерские чины (патенты) продавались за деньги.

Асада или наоборот, идти и мочить салафитов», – не важно, просто идти и что-то такое делать. Проблема в том, что нет никаких внятных объяснений, зачем надо идти и «мочить» именно этих и именно там. Не спорю – возможно, надо. Но почему? Не отвечают.

Есть ответы. Ответы содержатся в политическом сознании, которое представляет собой субъекта воли, – Коминтерн, или «Исламинтерн», или «Протестинтерн» (в нашем случае ещё лучше), – где коллективный разум *джамаата* или *джамаата джамаатов* понимает, что сейчас нужно поднять восстание и устроить гражданскую войну в США, сделать это таким-то и таким образом, а Китай пока можно использовать, но в следующем десятилетии придётся его разваливать к чёртовой матери, потому что он нам не годится. Кто это всё вычислит, кто это скажет?

Это скажут люди, которые заряжены духом и волей касты как политического субъекта. Вот были же люди, которые говорили от имени пролетариата: пролетарская культура, пролетарская дипломатия, пролетарская математика. То есть у них была ссылка на какой-то класс – пусть фиктивный, пусть высосанный из пальца, пусть ни на что не годящийся, – но это была ссылка на кого-то игрока, на какой-то субъект. У нас же нет такой ссылки. А в Коране есть. В Коране сказано, что «те, которые выходят на пути Аллаха лёгкими и тяжёлыми, жертвуя своей жизнью и имуществом, *не равны* тем, которые остаются поить водой паломников». Воины не равны не воинам. Коран обращён к воинам, он является даром всему человечеству, но адресован он тем, кто может его принять и понести, – это воины, которые способны к самопожертвованию. Кстати, в Евангелии это тоже отражено, потому что «нет выше подвига, как положить душу за други своя», – это же слова Христа. Это абсолютно резонирует с этим.

И как нам собрать одиноких героев в касту воинов? Через политический клуб радикалов. А политический клуб радикалов основан на дискурсе, на методе, на мировоззрении – я сознательно не хочу употреблять слово «метафизика», потому что оно относится к традиционалистскому пространству, и не хочу употреблять слово «философия», потому что оно профанично и слишком отмечено индивидуальным творчеством: я считаю, что дискурс радикалов сакрален, он *суприфилософичен*, но *антиметафизичен*. Поэтому нужно это формулировать, нужно доводить до отточенной шлифовки, и нужно, чтобы в это входили люди, которые рано или поздно станут маяком. Потому что мы же видим, как это происходит: у Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) вначале было 30 последователей, всего 30 человек, и это – *джамаат*. За пределами 30 человек *джамаат* неэффективен, он уже не *джамаат* – это уже *Умма*. А 30 человек – это *джамаат*, потому что в этом *джамаате* 30 человек знают друг друга. Специфика *джамаата* в том, что в нём все знают друг друга и все они связаны братской любовью между собой.

Можно вообще любить всех мусульман, как бы «абстрактно», но 30 человек любить реальней, проще. Меньше – ещё лучше, но 30 – это предел. И вот, было их сначала 30, и эти 30 трансформировали весь мир, они его взорвали. Сколько вышло из Хиджаза, чтобы сделать весь мир мусульманским? В Испанию, через Гибралтар, который Джабраил ат-тарик, высадилось 700 арабов. 700 арабов завоевали Иберийский полуостров.

Но когда пришли крестоносцы, местные «гусейны гуслия», мотая своими головами в чалмах, обсуждали вопрос «на какой день после окончания месячных женщина может делать намаз». Эти проклятые «алимы» загубили ислам; но его нельзя загубить, потому что Аллах его специально держит под Своим абсолютным контролем до того момента, пока не выяснится, что это человечество является очередной неудачей. Но об этом мы тоже предупреждены: «Если вы сойдёте с Моего пути, Я вас уведу и приведу на ваше место лучших, чем вы». Это предупреждение у нас есть. Пока ещё маленький кусочек времени остался. Но я считаю, что «алимы» – это самый опасный враг ислама внутри самого ислама, – более опасный, чем суфии. Потому что «антисуфийские алимы» выглядят, как будто они мусульмане, но они не мусульмане. Я, конечно, не хочу *такфиризмом* заниматься – я не такфирист (астагфируЛлах), – просто в

исламе нужна «очистительная процедура». Без «очистительной процедуры» двигаться вперёд сложно. А «очистительную процедуру» мы понимаем все одинаково. К сожалению, она лучше не придумана.

*Если либералы уходят постепенно с этой сцены и традиционалистский клуб выходит вперёд, то назревает борьба, и эта борьба будет намного жёстче, чем она сейчас происходит. Как Вы видите деятельность этих джамаатов в этих новых условиях?*

Сегодня мы присутствуем при переформатировании политического пространства и подготовке к пришествию нового технологического, общественного и политического уклада, который сменяет то, что условно можно было назвать «капитализмом», «эпохой либерального политического дискурса», «контролем либералов над политическим пространством» и так далее. Происходит смена. Но что это означает для нас? Это означает, что у радикалов появляется шанс подняться из «пролетариев, сосущих лапу», на уровень игроков, альтернативных мировой системе, – в условиях войны…

…И всё будет происходить в зависимости от того, как скоро это будет и насколько исторической является наша сегодняшняя встреча. Если она является частью истории и если вы меня услышали, то этот фактор будет активно работать на то, что возникнет некая «молекула», некая «ДНК» радикального *присутствия*, которая будет расти, превращаться в тело, в органику. И если будет время при этом, если эта война будет не буквально завтра, но хотя бы через год, то вдруг мы как-то действительно сможем вклиниться в ситуацию. Или же нет. Всё зависит от того, как Провиденциальная Мысль оценивает наши шансы и нас как игроков. Потому что есть такая вещь, как «кастинг». А «кастинг» означает, что мы приходим и пробуем себя на роль Гамлета, а нам режиссёр говорит: «Ребята, вам максимум только в самодеятельность в сельском клубе». Мы ещё должны понять, насколько мы годимся для «малого театра».

*Вы в одной из своих лекций говорили, что сознание актуализируется в языке. А если человек не знал языка, то получается, что он как беременная кукла?*

…Человечество делится сразу на две группы: те, кто пошел за Адамом, и те, кто проклял его, потому что Откровение языка мгновенно лишает людей Золотого века. То есть как только они узнают язык, они мгновенно становятся не блаженными существами в полной гармонии и слиянии со средой, а жалкими и трепещущими тварями, прячущимися от дождя, от снега, от холода в своих пещерах. И они создают *общество*, потому что общество – это тот кокон, который защищает их от космоса, от природной среды. Это общество тоже заряжено языком, принесённым Адамом, но этот язык имеет прямо противоположное назначение. Адамический язык описывает ту реальность, которая соответствует Провиденциальной Мысли, потому что эти *имена*, которые приносит Адам, и движения между ними непосредственно сообщены ему из источника Провиденциальной Мысли, они сообщены ему Аллахом. А вот тот язык, который возникает в обществе, – это комбинации и компромисс между теми конечными возможностями, которые создают это *интеррефлексирующее* бытие, и именами, которые подразумевают концепты, совершенно отличающиеся от идей.

Здесь нужно понять следующую вещь: мысль и мышление, идеи, которые стоят за организацией этого Бытия, – это совершенно разное. «Мудрость» и сознание – взаимоисключающие вещи. «Мудрость» – это симультанное[8] состояние всех возможных состояний Бытия.

Вот у Генона есть книга «Человек и его осуществление согласно Веданте». И, собственно говоря, *реализация*, по Генону, то есть эзотерическая реализация в формате Традиционалистского клуба, – это то, что человек, начиная с точки отсчёта физического присутствия в этом

[8] Симультанный – происходящий одновременно, в одно и то же время.

мире, расширяясь, интегрирует все возможные состояния Бытия. То есть сначала он приходит по плоскости к центральной позиции в этом мире, – к точке, в которой мир пересекается вертикалью («лестница миров»), сквозной осью; он приходит с периферии в центр, а потом поднимается вверх и вниз и интегрирует все возможные состояния. Когда он интегрирует всю полноту возможных состояний Бытия, образуется то, что называется «мудрость». Эту «мудрость» можно даже описывать – Платон о ней говорит, Прокл о ней говорит.

Но вообще-то «мудрость» пользуется *внеартикуляционными* формами сообщения. Одной из наиболее явных и действенных форм является музыка. Музыка сообщает состояния, которые принадлежат «мудрости». Попробуй, скажи, слушая увертюру к «Тристану и Изольде» или «Аппассионату», что ты узнал. А прочёл страничку в «Протагоре» Платона – это можно пересказать. А что ты узнал, когда послушал музыку? Но есть *ощущение*, которое ты понял. Пока ты слушаешь, ты как бы «понимаешь», ты входишь в это состояние. Это *неартикулированное* сообщение тебе некоего чистого *внеосмысленного, неартикулированного* Бытия. Это музыка сфер, в пределе.

Общество враждебно дискурсу пророков, враждебно Логосу, враждебно Откровению, – общество связано с созерцанием, со стремлением вернуться в «телепатический» Золотой век. Язык в обществе смешан с «мудростью», он смешан с неартикулированным. Поэтому в человеческом творчестве постоянно проявляется эта смешанность в виде гимнов (гимны «Ригведы»), песен, различных пеанов (то есть торжественных песнесловий). В поздние времена это оперы, где музыка смешивается со словами. То есть постоянно идёт борьба. В литературе это поэзия, которая борется с прозой, то есть поэзия – это вторжение неартикулированного, поэтического. Постоянно идёт такая борьба. Мы берём высокие примеры, а в низком случае это новояз, это деревянный язык бюрократии, и в пределе это – *посткоммуникация*, когда государство говорит с народом так, что народ не может за государством это воспроизвести и повторить (возьмите, например, ПДД, попробуйте прочесть и повторять вслед за этим, или же повторять что-то вслед за Путиным, Сурковым).

Причём это не характеристика России. Я на одном медиа-форуме встречался, сразу после избрания Обамы, с двумя представителями США: один – сенатор от демократов, второй был председателем республиканского национального комитета США (то есть политбюро Республиканской партии). Я внимательно их слушал, им задавали из зала нелицеприятные вопросы про Афганистан, про убийства женщин, детей и стариков и тому подобное. Ответы были потрясающи. Я тогда начал впервые формулировать свою теорию *посткоммуникации*, потому что единственно, что можно было воспроизвести из их ответов, – это начало, когда они говорили: «First of all, I'm very grateful for your question, for your interest, for your participation…». То есть это единственное членораздельное, что ты можешь уловить и воспроизвести, потому что следующие пассажи были каким-то «похрустыванием». На самом деле они были тоже сопряжены по правилам английского языка, английской грамматики, там были слова, которые сами по себе имеют место в словарях, но воспроизвести это невозможно, потому что смысла в этом не было никакого. Единственно «спасибо за ваш вопрос, мы уважаем вас за внимание» и так далее, а дальше идёт сплошной хруст.

Я понял, что *посткоммуникация* тотальна, она просто сопровождает любую работу с общественным человеческим пространством. Сущность *посткоммуникации*, если проанализировать, в том, что в *посткоммуникации* наконец-то общество, ненавидящее пророческую миссию, расправляется с языком и Откровением и утверждает вместо языка симулякр, вместо контента, вместо послания – симулякр, убивает язык и подготавливает человечество к смене циклов.

То есть человечество должно пережить затмение, мир должен пережить пралаю[9], то есть обнуление, и дальше – новый Золотой век. А как происходит затмение? Затмение человечества в конце цикла происходит путём забвения языка. Человечество в определённый день – конечно, это упрощение, – но в определённый день «икс» люди просыпаются, и ни один не помнит языка. И что получается? Что вокруг них хаос: он смотрит на холодильник, и это для него не холодильник, а просто клякса, он даже не понимает, что это холодильник, он становится просто «маугли», все люди становятся «маугли» без языка. И мир исчезает, потому что мир образован языком.

На самом деле человек не может найти в своей жизни и не может встретить ничего из явлений духовных, видимых, невидимых, материальных, «физики микромира», «физики макромира», – не может встретить ничего, что не было бы описано языком Адама, который ему открыл Всевышний.

Но вы скажите: «А наш язык? Почему же, когда мы рождаемся, всё готово для нас и наших матерей и отцов – смыслы, рисунки, надписи, книги, звезды на небе и прочее?» Откуда, почему? А потому что наши языки, как частные случаи, привязаны к языку Адама, они все как щупальца, как нити восходят к первоначальному языковому архетипу, который уже описал Вселенную, но она существует только в описании. И мы видим как объективное то, что было описано Адаму. А вот, например, кому она не была описана – ангелам, демонам, – они это не видят, они вообще не так всё видят. Для них стол – не стол, для них вообще стола нет, для них и деревьев нет, и верблюдов нет, ничего для них нет, для них всё совсем другое – «пятна Роршаха», у них другая совершенно реальность вне языка.

*Как политический ислам может сотрудничать с джамаатами Дагестана, Северного Кавказа?*

Это узкий, частный вопрос. Политический ислам должен создать сеть новых политических джамаатов. Не таких, которые существуют сегодня, – это «полуфабрикаты», – новые политические джамааты. А что такое новые политические джамааты? Это, по сути дела, ячейка, альтернативная мировому правительству. Потому что речь идёт не о чём ином, как именно об этом. Нужно создавать альтернативное мировое правительство и нужно понять, что новый политический джамаат, – это не просто там какие-то верующие, ходящие в какую-то мечеть по соседству, а это ячейка, подобная высокой «масонерии», это властная ячейка. Ну мы будем ещё потом говорить о власти, о том, как соотносится власть в мире *зульма*, в мире тирании и тьмы, с тем, что мы несём, потому что мы несём не власть, а мы несём в себе энергию свершения, мы несём в себе энергию уникального и единственного свершения, которое является точкой сборки всех рассеянных колеблющихся сил неопределённости. Это то свершение, в результате которого рождается *утверждение*, не знающее, что его не было. Потому что *утверждение* исключает оговорки (оно вне условий), поэтому это *утверждение* автоматически упраздняет все обстоятельства, которые связаны с его предшествующими ограничениями.

Мы несем в себе энергию, связанную с игрой, ведущей к этому единственному свершению, к этому сверхсобытию, которое закрывает всё. На самом деле *творение* есть антитеза и прототип, предшествующий *свершению*. Творение – это альфа, а свершение – омега.

[9] Прала́я – в космологии индуизма период отсутствия активности во Вселенной.

# Политический ислам в тезисах[10]

## 10 фундаментальных особенностей политического ислама

*9 мая 2012 года*

### 1. Политический ислам выступает против мирового порядка в целом

1.1. Мировой порядок ни в какой своей форме не может быть приемлем для ислама, поскольку цель ислама – окончание истории, победа Махди, который «наполнит мир справедливостью так же, как он до этого был полон гнёта», с тем чтобы перейти к концу Ветхого бытия, смерти и воскресения на Суд Всевышнего. В Сунне указывается, что мир до прихода Махди «полон гнёта (зульма)», и эта его характеристика не зависит от «политэкономической» формации конкретных правителей и режимов и тому подобного. Мировой порядок является инструментом Иблиса, которому Аллах попустил искушать человека, «заходя на него слева, справа, спереди и сзади».

Принципиальным является утверждение, что до прихода Махди не может быть построен «справедливый мировой порядок»: справедливость может существовать только внутри исламского джамаата.

1.2. Большинство мусульман живёт в двух измерениях: религиозном и обыденно-повседневном. В религиозном измерении они сосредоточены на ежедневном поклонении, выполняют литургические обязанности, в повседневности же стремятся найти «экологическую нишу» для бытового выживания и, если их специально не трогают, считают, что у них нет проблем. Однако такая позиция противоречит указанию Аллаха, согласно которому Умма поставлена в центр, чтобы свидетельствовать против человечества, а Пророк будет свидетельствовать против Уммы. Таким образом, мусульманин, «дезертировавший» от миссии единобожника в банальный быт, противостоит примеру Пророка и сбегает от центральной позиции в мире туда, где по отношению к миру он – никто. Реальная оппозиция мусульманина должна определяться тем, что его противостояние несправедливости мирового порядка, противостояние интригам Сатаны и правителей, которые являются его слугами по определению, – это тоже поклонение Аллаху, придающее силу намазу и посту. Отсутствие противостояния мировому порядку – это то, что отличает «просто делающего намаз» мусульманина от истинного единобожника, от *уверовавшего*.

1.3. «Теория» о необходимости подчинения даже неправедному правителю является выдуманной врагами ислама и предателями, позирующими в роли «алимов». Хадисы, утверждающие это, – омейядская клевета на Пророка, которая разоблачается методом, оставленным самим Пророком (да благословит его Аллах и приветствует): «Если передаваемый после меня хадис соответствует Корану – он верен, даже если я его не говорил, если он противоречит Корану – это клевета на меня». Ислам не для того был ниспослан Всевышним в мир, чтобы попасть под диктат неправедных правителей, хотя бы они и называли себя мусульманами.

Аллах прямо говорит о том, что установленные им во всех селениях правители – преступники. Борьба с мировым порядком предполагает и борьбу с элементами этого мирового

---

[10] Здесь под общим названием мы объединили три файла с набросками на заданную тему, написанными Джемалем в разное время.

порядка, в том числе и с теми *мунафиками*, которых мировой порядок ставит для контроля над мусульманами.

1.4. Настоящая борьба с мировым порядком начинается именно сегодня, когда исламский фактор приобрёл поистине всемирное значение, будучи при этом теснимым и угнетаемым. Есть феномен глобализма, который охватывает весь земной шар сложными человеческими связями, экономическими и политическими взаимоотношениями, информационными технологиями.

Когда-то Багдадский халифат достиг статуса единственной глобальной сверхдержавы, где человек мог родиться на берегах Сырдарьи, учиться в Африке, а преподавать в Испании. Но, несмотря на такой расцвет ислама при халифате, на Западе и Востоке выросли две антиисламских силы, последствия удара которых Умма испытывает на себе до сих пор: крестоносцы и монголы Чингисхана. Аббасиды допустили, чтобы Европа возобновила проект языческого Рима и превратилась в главный инструмент Сатаны в новой истории; они также оказались неподготовленными к языческому вызову из глубин Евразии, в результате чего была создана бюрократическая империя, нанёсшая тяжелейший удар по духовным и интеллектуальным возможностям мировой исламской общины. Поэтому даже в лучшие свои времена ислам не был столь всемирным и центральным фактором, каким он является теперь, будучи объектом ненависти и преследования со стороны объединённых сил мирового порядка.

1.5. «Мировой порядок» – это не образное выражение, а конкретное указание на внутреннее единство и преемственность тех сатанинских сил, которые используют человеческий фактор и управляют обществом. Со времён фараонов до сегодняшнего дня меняются обличия мирового порядка, однако сущность правящих классов и сама природа власти остаётся неизменной. Иблис организует человечество в его фундаментальной характеристике, которая определена Всевышним в Коране: «Поистине, мы сотворили человека из капли, а он враждебен определённо». Цивилизации, управляемые жрецами (клерикалами), являются различными формами проявления идеологии Иблиса и существуют для того, чтобы его наместникам на земле было легче управлять человечеством. Последним этапом активизации сатанинских сил становится фактическое «мировое правительство» (не нуждающееся в юридическом оформлении), которое представляет собой по сути «Комитет по встрече Даджала».

Именно поэтому ислам не может быть ограничен географическими рамками какого-то «цивилизационного пространства», какими-то конкретными странами: он является всемирным фактором. Поэтому задача политического ислама – это создание альтернативного «мирового правительства», не привязанного к какой-то части суши, объединению государств или империй.

## 2. Политический ислам рассматривает шариат как средство, а не как цель

2.1. Является ли шариат законом? Нет, он не является законом. Потому что шариат есть установление Аллаха для различения тех, кто следует Его путём, от остального человечества. Шариат – это разграничительная линия между теми, кто следует плоти, и теми, кто вышел на прямой путь Аллаха.

А что же такое «закон»? В жизни человечества есть два типа «законов», и оба они являются языческими и реализуют диктатуру Сатаны над человеческими существами. С точки зрения язычников «закон» представляет собой неизменную космическую ось, вокруг которой вращается всё существующее. Брахманы в Индии называют закон «Дхармой», что имеет значение вертикально поставленного древка или оси. Они считают соблюдение Дхармы своей задачей. Отсюда видно, что языческий «закон» имеет клерикальное происхождение, то есть устанавливается кастой жрецов, которые указывают на то, что эти «законы исходят от Неба».

В либеральном неоязыческом человечестве «законы», согласно взглядам правоведов, имеют своим источником «почву», под которой понимаются этнические корни, уходящие в глубь времён и родной территории. Мусульманам хорошо известно, что такое «законы, основанные на почве», – это адаты, которые являются принципиальной помехой исламу. В последнее время возобладал третий тип «законов»: те, которые «на коленке» сочиняются в интересах олигархов и бюрократии. Тем не менее все эти виды «законов» представляют собой волю *Тагута*: они регламентируют организацию человека таким образом, чтобы он был подобен Иблису, как отражение в зеркале подобно оригиналу.

2.2. Шариат имеет своей целью освободить человека от рабского подчинения Сатане, превратить его из «отражения Сатаны в зеркале» в независимое существо, которое подчиняется только Аллаху. Шариат обращается не к «коллективному бессознательному», как, например, римское право или старые племенные законы древних германцев и славян, – шариат не имеет отношения к «почве». Шариат не обращается к магии – как законы индусов или вавилонян – с тем, чтобы сделать человека оператором «космических энергий». Это значит, что шариат не связан с «Небом». Шариат обращается напрямую к *сознанию* человека – тому уникальному ядру его личности, которое умрёт и будет воскрешено. Задача шариата заставить это ядро личности – внутреннее человеческое «Я» – не «спать», а бодрствовать, пока человек пребывает в Ближней жизни. Благодаря этому выстраиваются всесторонние отношения между братьями внутри общины. Шариат есть «устав армии в походе и бою».

2.3. «Обычные» люди подчиняются «законам» не задумываясь. Эти «законы» являются для них внешней силой. Как только меняются условия существования, люди, под влиянием шока от резкого изменения ситуации, напрочь забывают о законах: бьют витрины, грабят, насилуют. Опыт показывает, что человек, когда с него снято внешнее принуждение к соблюдению «закона», ведет себя точно так же, как лошадь, с которой сняли седло и уздечку, или собака, сорвавшаяся с цепи. Для очень незначительного числа людей сохраняются какие-то внутренние ограничители, которые корректируют их поведение.

Для мусульманина шариат – это внутренняя сознательная установка, практикуемая через применение бодрствующей воли. Естественно, это применение требует знания и нуждается в специальных людях, которые могут эти теоретические шариата положения применять в решении проблем (*кадии*). Однако цель шариата – сделать мусульман «особым отрядом», для которого соблюдение внутреннего «устава» есть усилие бодрствующего сознания, а не результат внешней дрессировки и принуждения.

2.4. Разговоры о «шариатском государстве» фактически скрывают под собой намерение нанести удар по шариату, потому что превращают шариат в продукт специальной бюрократической организации, которая отчуждена от людей, от джамаата. *Государство есть Тагут*, оно не должно существовать в исламе, потому что оно предполагает неисламские отношения между людьми по горизонтали и неисламские отношения между правящим слоем и управляемыми – по вертикали. Когда говорят о «государствах» применительно к древности и Средневековью – это терминологическая ошибка, поскольку под этим имеют в виду «политическое общество». Египет фараонов был политическим обществом, где фараон стоял бесконечно высоко над обычным крестьянином и обращался к своему народу со словами: «Я – ваш верховный Господь». Это означает наличие абсолютной связи между «верхом» и «низом» – хотя бы даже в такой форме.

Ислам не может создавать такое «политическое общество», потому что это организация, курируемая тем, кого Аллах создал из огня. Государство, в подлинном смысле слова, возникает очень поздно в истории – тогда, когда появляется бюрократический аппарат. При нём короли и президенты не говорят народу: «Я ваш верховный Господь» – в этом нет необходимости, коммуникация прервана. Правитель не получает смысл от того, что повелевает своим народом, – его смысл в подчинении Сатане напрямую. Народ тоже не может через голову аппарата обра-

титься к правителю. Государство разрывает связи между «верхом» и «низом». В итоге правителям приходится учреждать «представительскую демократию», чтобы дать низам иллюзию обратной связи.

При праведном халифе Умаре мусульманин мог войти к нему с мечом и сказать, что убьёт его, если тот сойдёт с прямого пути. При Аббасидах халифы закрывали лицо, словно хиджабом, поскольку считали Умму недостойной того, чтобы видеть своего повелителя. Все разговоры об исламском государстве основаны на проникновении в сознание мусульман тагутских моделей и образцов.

2.5. Для того чтобы реализовывать шариат на практике, нет необходимости отчуждать его и передавать контроль над ним бюрократической системе, сидящей в определённых географических границах. Для применения шариата достаточно *общины* братьев, которая практикует его в отношениях между собой и с внешним миром, потому что такова её политическая воля. Это её устав как боевого подразделения «армии Аллаха». Мировая сеть джамаатов, практикующих шариат, есть практическое оформление класса тех, кого Всевышний избрал для реализации своего Замысла. Это те избранные, которые противостоят элитам мирового порядка. Однако следует помнить, что устав существует для армии, чтобы она могла воевать и побеждать, не будучи при этом партизанской бандой. Но армия существует не для устава!

## 3. Политический ислам опирается на метод и доктрину политической теологии

3.1. За четырнадцать веков в исламском мире не появилось ничего, что можно было бы назвать в полном смысле исламской идеологией. Вскоре после выхода за пределы Хиджаза арабы встретились с греческой философией, и плохо понятый ими Аристотель занял неподобающе влиятельное место в сознании мыслящих мусульман. Дошло до того, что когда говорилось слово «Учитель», то все понимали, что речь идёт именно об Аристотеле. При этом арабы так плохо понимали смысл послания Аристотеля, что приписывали ему некоторые тексты Платона и даже неоплатоников. Греческая мысль по духу и букве противоречила Корану, но арабоязычные философы этого не понимали, а те, кто боролся с ними, чувствовали это, но не могли доказать. Поэтому аристотелевское влияние было упразднено административным путём через запрет.

Вопрос о подлинной мысли, основанный на интерпретации Корана, так и остался открытым. В Средние века и в более позднее время возникли доктрины суфиев, которые опирались на неоплатонизм, то есть на изощрённые и рафинированные формы пантеизма. Между мировоззрением Мухйиддина ибн Араби, или учением Плотина о Едином, или доктриной средневекового индуиста Шанкары-Ачарьи о «недвойственности» нет никакой разницы. Если взять текст из труда Муллы Садры (основоположника кумской школы шиитской теологии) и страницу из Дунса Скота[11] на тему их соответственных учений о бытии, эти страницы можно перепутать местами – настолько они имеют в виду одно и то же, при том что один является средневековым учёным из Оксфорда, а другой – живший на 300 лет позднее последователь *ирфана*[12] в Иране.

Возражения против философии делаются мусульманами обычно на том основании, что это рассуждение о природе скрытых от человека вещей и, таким образом, рассуждающий следует за своими мнениями, которые не имеют никакой объективной ценности и тем более не

---

[11] Дунс Скот Иоанн (Ioannes Duns Scotus) (1266–1308) – францисканский богослов, философ, крупнейший представитель средневекового концептуализма. Мулла Садра (1571–1636) – мусульманский философ и мистик, синтезировавший идеи неоплатоников, перипатетиков, суфиев и мусульманских теологов.

[12] Ирфан – особый вид сакрального знания о том, как достичь «близости к Аллаху». Термин используют преимущественно шииты.

являются необходимыми для спасения собственной души. Такое возражение против интеллектуальной деятельности содержит две принципиальные ошибки. В Коране человеку вменено в обязанность Всевышним служить Ему и *познавать*: «Мы сотворили джиннов и людей, чтобы они поклонялись Нам и постигали (*'абуду уа арифу*)». Иными словами, если бы человек был только существом, сферой умственной активности которого является лишь практическое выживание и операции с материальными предметами, то не было бы никакого смысла в том, чтобы создавать его как нечто отдельное от животного мира. Однако в Коране Аллах говорит нам, что «вложил в Адама от Своего Духа». Это означает, что человек имеет принципиальную возможность думать и постигать вещи невидимые. Вторая ошибка противников «философствования» заключается в том, что они всякое мудрствование сводят к попытке постичь неведомые *объекты*, которые находятся за пределами человеческого опыта. Однако они игнорируют такое центральное направление исследований, как познание человеком *возможностей и условий собственного познания*, изучение самого мышления.

Мышление человека происходит в его голове, оно дано ему Всевышним как инструмент, и суть этого инструмента может быть человеком изучена, познана и контролируема. В мусульманской философии легко найти рассуждения о том, что такое «субстанция» и «сущность», размышления о *сифатах* Аллаха и тому подобное. Но напрасно мы будем искать там анализ мыслительных процессов и выходящий за пределы практической грамматики анализ способности суждения, – начало чего можно встретить уже у ранних греков.

Политическая теология основана на абсолютном и последовательном применении *таухида* и на методе *таухида,* с помощью которого анализируются каждое слово и аят Корана. Для очень многих этот принцип кажется само собой разумеющимся, потому что следование *таухиду* мусульмане считают обязательным и предшествующим всему. Однако огромное число наших братьев не различают *таухид* и *вахдат*, которые представляют собой прямо противоположные понятия. *Вахдат* – это единство, из которого следует конечное тождество между Творцом и тварью; *таухид* – это единственность Аллаха, которая не имеет никаких аналогов и сходства ни с чем и которая противостоит всему сущему. Так что всё *творение есть неведение об Аллахе* до того момента, пока Аллах не откроет Себя Адаму, поставленному Им наместником в центре мироздания. А на платформе *вахдата* стоят все продвинутые язычники: Платон, индийские брахманы, китайские даосы и те из мусульман, которые увлеклись соблазнительной идеей «единства сущего». На платформе *таухида* в абсолютной и безусловно выдержанной последовательности стоит лишь часть мусульман. Аллах (Свят Он и Велик) провиденциально сделал мусульман до поры незнающими, потому что этот мир отдан Им Иблису как испытание для верующих. И этот мир должен быть побеждён через в том числе сложный и мучительный приход наилучших из Уммы к пониманию того, что такое *таухид*.

3.2. Политическая теология применяет *таухид* для понимания того, что Аллах ниспослал нам в Коране. Как было сказано выше, *таухид* есть указание на абсолютное нетождество Аллаха и всего, что есть *не Он*. Это означает, что по отношению к Всевышнему нельзя применять такие же формулы утверждения, как ко всему, что есть *не Он*. Мы не можем говорить об Аллахе как о некоем объекте, существующем наряду с другими объектами. Таким образом, *таухид* упраздняет буквалистскую интерпретацию коранических текстов, и одновременно *таухид* не позволяет перетолковывать тексты Корана как метафоры или символы. Применение *таухида* в абсолютной последовательности к тексту Корана позволяет вывести из него доктрины фундаментальных реалий, с которыми Умма имеет дело: человека, общества, истории, познания, власти и, наконец, её самой как лучшей из общин.

Политический ислам нуждается в подробном и целостном понимании названных реалий, поскольку без доктринального описания их он не может формулировать и ставить текущие задачи на глобальной политической сцене. Кроме того, ислам призван дать мусульманам и

тем, к кому он обращается с призывом принять ислам, целостное мировоззрение, которое бы перечеркнуло концепцию «мира», находящуюся в их голове.

Современная западная наука в своих главных устоях продолжает основываться на неоплатоническом мировоззрении, идущем из греко-римской античности. Современные физики верят не в единственность Аллаха, а в «единство Бытия» и пытаются доказать, что атомы живут по тем же законам, что и планеты. Если мусульмане считают, что эти проблемы – не их ума дело, если они полагают, что смысл ислама сводится только к набору этических предписаний, – это свидетельство инфантилизма и проявления неспособности позиционировать себя как интеллектуальный центр человечества.

3.3. Одной из характерных черт нынешних мусульман, боящихся «интеллектуализма» и «философствования», является их недоверие к логике. Это опять-таки восходит к отсутствию традиции самоанализа и исследования законов суждения, которые остались вне сферы внимания ранних исламских мыслителей. Тем не менее логика является императивом для каждого мусульманина, потому что она предполагает смысловую связь слов, а Коран ниспослан человечеству на ясном арабском языке. Это означает, что всё, что Аллах говорит в Коране, не является набором иррациональных заклинаний. Коран есть глубочайшая связь смыслов, образующих многослойную ткань. Расшифровка этого может осуществляться только через абсолютное внимание к внутренним законам смысла. Ключом к этим законам является опять-таки *таухид*. А замочная скважина, в которую этот ключ вставляется, – *фуркан* (различение).

Таким образом, выводы по поводу человека, общества, познания, природы времени, природы материи и так далее, которые делаются через последовательное применение «единственности» и «различения», имеют характер не каких-то субъективных «мнений», но на самом деле обладают статусом доктрины, которая должна стать безусловной базой исламской идеологии. Именно из понимания того, что Откровение само по себе есть оборотная сторона единственности и абсолютной нетождественности Аллаха всему, что есть *не Он*, следует всё остальное, – всё мировоззрение мусульманина, которое имеет природу последовательного миропонимания и характер научного метода.

3.4. Что такое научный метод для мусульманина? Сама по себе «наука» может быть совершенно различной: например, математика индусов или вавилонян разительно отличалась от современной, построенной на математических представлениях греков. Методы могут быть разными при условии, что они дают последовательную систему выстраивания мира вокруг нас. Аллах (Свят Он и Велик) научил Адама именам, что означает также и концепты, содержащиеся в этих именах. Связь имён, которая реализовалась через Адама, выстроила вокруг него организованный мир. Достаточно посмотреть на людей, живущих сегодня, чтобы увидеть, что они живут в разных мирах, описываемых разными смысловыми связями.

С нашей сегодняшней точки зрения мир фундаментально не изменился за минувшие сто или даже двести лет. Да, конечно, есть спутники и мобильные телефоны, но это мусор. Основные реалии как будто на месте: страны, народы, общественные институты, семья, коммуникации между людьми и тому подобное. Однако это только кажется. Между нами и нашими прапрадедами лежит пропасть: они видели мир совершенно иначе, и вещи в контексте их деятельности функционировали и проявлялись тоже совершенно иначе. Мы находим в старых словарях те же слова, которыми пользуемся сейчас, и не отдаём себе отчёт в том, как изменилось их значение.

В мире постоянно борются несколько логик, и на каждом этапе одна из них оказывается сильнее и начинает играть центральную роль. За последние 500 лет технологии смыслов, которыми пользовались западные язычники, оказывались более эффективными, чем те логики, которые были на вооружении у мусульманского интеллектуального класса. В итоге получилось, что уже в XX веке даже искренне верующие братья должны принимать как должное смыслы и логики, контролируемые врагом, либо отказываться от борьбы, от усилий и заявлять, что

логика – это вообще полная ерунда. И тот и другой путь категорически неприемлем для политического ислама. Мы должны восстановить то логическое прочтение Корана, которое даст нам объективный метод выстраивания своих смысловых связей на глобальной площадке, чтобы переломить «логики» противника. Такой метод открывает путь к политическому иджтихаду, без которого любые решения наших лидеров будут диктоваться понятийно-логическим аппаратом, созданным в интеллектуальных лабораториях *куфра*.

Усвоение этого метода позволяет мусульманину обрести свободу независимого мышления не вопреки, а благодаря Корану, внутри коранической логики. Такая свобода означает свободу от глобальной матрицы новой всемирной цивилизации, которая контролируется Иблисом через мировое правительство.

3.5. Центральным понятием политической теологии ислама является *смысл*. Это не просто значение слов, которые распознаются на базе программы даже компьютером. Реальный *смысл* предполагает, что в каждый данный момент человек *понимает, что он понимает*. Очень многие люди живут подобно компьютеру: они осуществляют свою деятельность, подчас весьма сложную и требующую серьёзного умения, чисто рефлекторно. Коммуникация между такими людьми носит запрограммированный характер. Эти люди воспринимают и самих себя, и всё, что вокруг них, включая «решения правительства» и действия правящих классов, как нечто само собой разумеющееся, как падение сорвавшегося с ветки яблока на землю. (Но Ньютон удивился этому обычнейшему явлению и поставил его под вопрос – и таким образом родилась теория тяготения.)

*Смысл* для мусульманина начинается с того момента, когда он осознаёт, что он – по соучастию в миссии первого пророка Адама – также является носителем частицы *Рухулла*. Исходя из *таухида* мусульманин должен знать, что эта частица, вложенная в глиняного Адама, есть нечто, абсолютно нетождественное всей окружающей реальности, благодаря которой (частице *Рухулла*) эта окружающая реальность предстаёт перед ним как *объект свидетельствования*. Если бы в сердце человека не было участия в Духе Божьем, от которого Аллах уделил Адаму, всё остальное вокруг него было бы бессмысленным хаосом, бесконечным маревом форм и бесформенности. Только эта искра *Рухулла*, которая останавливает своей *инаковостью* плещущееся вокруг нас море сущего, и есть смысл, и одновременно она же есть *свидетельствующее сознание*, к которому адресуются Откровения от Аллаха, низводимые на протяжении истории через пророков.

Именно сознание, свидетельствующее против всего, что ему предстаёт и его окружает, и есть стержень и основа исламской политики. Сознание против Бытия, Дух Божий против Иблиса.

## 4. Политический ислам против клерикалов, суфиев и «ваххабитов»

4.1. Крупнейшее заблуждение, встречающееся у некоторых религиозных мыслителей, – это утверждение, согласно которому ислам является «естественной религией», которая якобы изначально присуща человеку. Дескать, человек в ходе своего земного существования имеет тенденцию как бы забывать эту свою «естественную религию», и поэтому Всевышний время от времени посылает Пророков с тем, чтобы они просто напоминали людям то, что тем и так известно от рождения. Мол, душа появляется «знающей», но утрачивает это «знание», попадая в цепкие объятия родителей, *акыда* которых уже была искажена предыдущим опытом и воздействием на них, в свою очередь, уже «искажённых» предков.

«Обрати свой лик к религии, как ханиф. Таково врожденное качество, с которым Аллах сотворил людей. Творение Аллаха не подлежит изменению. Такова правая вера, но большинство людей не знают этого» (Коран, 30:30). Всевышний Аллах низводит в этом аяте указание

на то, что человек создан определённым образом, и верность Единобожию требует от мусульманина противостоять любым искажениям этой природы, которая навязывается людям теми или иными цивилизационными моделями. К числу этих искажений относится всё: от татуировок и пирсингов до гомосексуализма и других тому подобных вещей, которые наносят ущерб человеческому архетипу или, иначе говоря, модели, по которой человек создан.

В данном случае речь идёт именно о том, что прямой, или подлинный закон («верная практика») сохраняют материальный образец человека от деформаций. Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Каждый младенец рождается не иначе как в своём естественном состоянии (*фитра*), а (уже потом) его родители делают из него иудея, христианина или огнепоклонника. Точно так же и животные появляются на свет целыми (а не изувеченными): разве найдёшь среди них кого-нибудь с отрезанным ухом?!» Сравнение с животными, которые появляются целыми, подчёркивает, что речь идёт именно о сохранении естества, заданного при творении, о том, что религия прямого пути ограждает душевную и физическую структуру естественного человека. Однако неправомерно перетолковывать этот аят и этот хадис и делать из него выводы, что человек «рождается мусульманином», ибо быть мусульманином – это сознательное дело, и практика поклонения соответствует не несмышленым детям, а уже тем, которые способны понимать, что они делают. Естественно, ребёнок, покинув утробу матери и оказавшись в реальном мире, испытывает сразу же на себе действие «матрицы», – той модели цивилизации, в которой он родился. Однако появляется он на свет подобным «чистой доске». Конечно, доска эта сделана из глины разного качества, писать на ней можно всё что угодно, но вот насколько хорошо в каждом конкретном случае глина будет сохранять написанное – это уже другой вопрос.

На самом деле идея, согласно которой дети рождаются готовыми носителями религии, – это любимая мысль клерикалов, причём речь идёт не только об исламском духовенстве: точно такая же мысль присутствует, например, в христианстве. Христианский теолог Тертуллиан (II–III вв. н. э.) известен изречением: «Всякая душа – христианка», – кстати, он же считал, что человек естественным образом, просто «исходя из собственной души», может постичь, что такое «Бог», «добро», «зло» и так далее. На самом деле естественные склонности человека ведут его к язычеству.

Предоставленный сам себе человек склонен к зависимости от своих органов чувств и подобен воску в руках племенных шаманов и колдунов. Они формируют его мировоззрение, потому что обладают на личном уровне энергиями и психическими возможностями, выходящими за пределы понимания и подражания со стороны обычных людей. Исторически (или «доисторически») духовенство возникло из той части древнейшего населения, которая наиболее активно сопротивлялась пророкам начиная с Адама. Пророки принесли людям *фуркан*, а до этого человечество находилось в неведении о добре и зле, о том, что есть за пределами их опыта Единственный и Непостижимый Бог, благодаря Которому внутри них открывается сознание и они способны знать и понимать. Для людей *фуркан* стал мучительным бременем после того, как они ранее существовали в состоянии *вахдат*, пребывая в мире блаженства подобно тому, как пребывает зародыш в утробе матери.

Первое обращение к ним пророческого послания было подобно травме рождения из утробы матери в холодный, жёсткий и враждебный мир. Однако были и всегда существуют люди, которые помнят (или утверждают, что «помнят») это первоначальное состояние блаженства, соответствующее пребыванию в земном раю. Они считают, что способны воспроизводить это состояние в себе и вести туда своих последователей. Этот класс людей во все времена поддерживал и давал санкцию правителям, которые на самом деле являлись исполнителями их воли. Речь идёт, конечно же, о жрецах. И вот они-то и есть сторонники так называемой «естественной религии», под которой они понимают ориентацию на первоначальное райское блаженство, бывшее до того, как людям пришло знание от пророков. Жрецы являются вра-

гами пророков, и когда Всевышний ниспосылает очередного пророка, вторгающегося в толщу человеческой враждебности, глупости и упрямства, жрецы начинают яростную борьбу против пророка, против передаваемого через него Откровения. Эта борьба ведётся в двух плоскостях. Первоначально жрецы стараются изолировать пророка, возбудить против него массы, убить или изгнать. Именно они являются организаторами неприятия языческой цивилизации посланников, которые приходят от Аллаха.

Однако потом, когда дело пророка завоёвывает сторонников и побеждает, жрецы стараются войти в новую религию, чтобы контролировать её, исказить её и приспособить под свои языческие установки. Поскольку народ в целом всегда более или менее невежественен, жрецы объясняют ему «смысл» принесённого Откровения, дух и букву новой религии таким образом, что очень скоро под их влиянием пророческая религия перестаёт иметь что-либо общее с тем, какой она была в самом начале. Это произошло с миссией Ибрахима (мир ему), далее это произошло с посланничеством Мусы (мир ему). Практически на наших глазах произошло полное переформатирование того, что принёс Иса (мир ему). Не следует думать, что ислам остался в стороне от подобных попыток. Если бы не Всевышний Аллах, который охраняет последнее Откровение, данное Им человечеству, если бы не то, что Он взял на Себя охранять ниспосланный Им Коран в каждой букве и каждой точке до Судного Дня, ислам постигла бы та же участь. Ислам превратился бы в некое «магометанство», подобно тому как возникли иудаизм и христианство, которые изначально все были *исламом*. Духовенство всех религий находит общий язык друг с другом, потому что их корни, самый смысл их существования, в одном источнике: непросвещённом человечестве до послания к нему Адама, человечестве, находившемся в состоянии блаженного *неразличения* себя от среды. Именно это состояние и является основой всех мистических доктрин, которые исподволь навязываются Единобожию.

Политический ислам рассматривает клерикалов как врагов пророческой миссии, врагов Единобожия, организаторов социального пространства, внутри которого Иблис имеет оптимальные возможности для атаки на человека.

# План книги «Теология политического ислама», или «50 тезисов политического ислама»[13]

*2016*

## Предисловие

За четырнадцать веков ислама было много версий *политического ислама*. Прежде всего нужно поставить вопрос: был ли поначалу *неполитический* ислам? Ислам изначально был явлен как глобальный политический фактор и как стратегия духа. История ислама все четырнадцать веков есть попытка власть имущих покончить с *политическим исламом* и борьба *му'минов* за возврат к нему.

## Глава 1. Зло

Стратегия Духа предполагает войну. Война предполагает врага. Специфическое отличие ислама от, например, христианства – признание того, что Творец непосредственно сотворил *зло*. Суть вопроса в понимании того, *что именно* является тем злом, с которым борется Дух.

## Глава 2. Бытие

*Бытие* по определению включает в себя *все сотворенное*. Проще говоря, *Всё*! Поскольку *единство* и *единственность* принадлежит только Всевышнему, *Бытие* не может обладать Его свойствами, то есть не является *единым* само по себе. В *Бытии* мы находим сложную двойственность. Первая пара противостояния – *Бытие и сознание: сознание* не тождественно и не подобно *Бытию*, не вытекает из него и не является атрибутом *Бытия*. Если *Бытие* некоторым образом дано, то *сознание* как «*контрбытие*» – нет, то есть оно – *не* сущее и *не* данность. Однако *Бытие и сознание* образуют пару, расторжимую лишь через смерть *носителя сознания*, ибо реализация *сознания* состоит именно в активной оппозиции *Бытию*.

Второй парой является порожденное этим первым противостоянием различение между феноменальной (хаотической) подоплекой *тварной реальности* и выстроенный вокруг свидетельствующего субъекта (его сознания) *организованный мир*. Хаотический задний план «бессловесен», организованный мир является таковым в силу того, что «поименован».

## Глава 3. Сознание

*Сознание* есть функциональное противостояние, или нетождество, *Бытию*. В основе *сознания* – частица от Духа Аллаха, вложенная в «глиняную куклу» – Адама.

## Глава 4. Феноменология Бытия

Коран свидетельствует о *глине земной* и *глине небесной*, из которых взято для создания Адама. Речь идет о субстанции, имеющей разную степень сгущенности. Эта субстанция проявлена на разных уровнях сложности и в целом представляет собой содержащийся внутри мысли Всевышнего полюс к ней самой – «*антимысль*». Это и есть то *зло, которое создано Всевышним*, для преодоления которого Он низводит на человеческий уровень проблеск Своего Духа.

[13] К сожалению, Джемалю состояние здоровья уже не позволяло работать над самой книгой: она так и не написана.

## Глава 5. Язык

*Язык* есть живое многомерное взаимоотношение *имен*, открытых Адаму. Каждое *имя* есть концепт, вещь. Эти концепты существуют только для Адама, поскольку Аллах не открыл их никому больше. Человек может узнать, найти, вообразить или придумать только то, что содержится в *первоязыке*.

## Глава 6. Откровение

Частица *Рухулла* – Святого Духа – взброшена в недра субстанции-глины. По необходимости она занимает в этом «падении» пассивную позицию. Дух Аллаха – Святой Дух – является активным полюсом, который соединяется со своим отблеском внизу через слово, опирающееся на открытый Аллахом Адаму *язык*. Откровение есть конкретное присутствие Святого Духа среди людей, выраженное в описании Аллахом Самого Себя в той части, которая может быть доступна людям согласно Его Замыслу.

## Глава 7. Святой Дух

*Дух Аллаха* есть то, посредством чего Всевышний действует в ночи *безграничной возможности*. Этот Дух *антисубстанционален* и негативен по отношению к субстанции. Поэтому его надо отличать от «естественного» духа, который представляет собой просто разряженное, «небесное» состояние той же глины.

## Глава 8. Скрижаль

Провиденциальная мысль Всевышнего имеет *непостижимый* аспект, обращенный внутрь Себя, и *выразимую* часть, которая касается творения и задает творению цель и задачу (Коран, 38:27). Эта выразимая часть есть фундамент Предопределения, сформулированный на языке, который был открыт Адаму, хотя и не полностью. Согласно Корану, именно эта выразимая часть Провиденциального Замысла лежит в основе *Писаний*, ниспосылаемых пророками.

## Глава 9. Мысль

Провиденциальная *Мысль* Всевышнего содержит в себе абсолютно все, включая собственное затмение и отрицание в виде Бытия. При этом собственно *Мыслью* делает ее то, что она не тождественна Всевышнему и не объемлет Его, постоянно стремясь к этому. Аллах трансцендентен Собственной *Мысли*, вне этой *Мысли* нет ничего.

## Глава 10. История

Благодаря тому, что частица *Рухулла* вброшена в инертную, враждебную ей субстанцию феноменального Бытия, возникает конфликт, который должен разрешиться победой Духа (представленного внутри Бытия сознанием) над субстанцией. Динамика этого конфликта, его цель составляют *Замысел* Всевышнего как внешняя инструментальная сторона *Мысли*. Этот *Замысел* внутренне неизменен и составляет сюжет, который, воплощаясь, образует человеческую историю на разных уровнях: история ниспослания пророков, история царей, история народов, история общин и так далее.

*Замысел* не зависит от его конкретной реализации. Избранная Всевышним община может «провалить» *Замысел* и будет в таком случае заменена другой. Такая смена будет про-

исходить до тех пор, пока *Замысел* не реализуется, то есть пока творение не окажется состоявшимся.

## Глава 11. Предопределение

В *Предопределении* есть два аспекта. Некий непроявленный потенциал, подобный «Чёрной ночи», откуда можно извлечь все, что угодно Творцу. Этот потенциал называется «*Кадар*». Другой стороной является фиксированная и формализованная сторона *Замысла*. Она называется «*Када*». *Аль-кадар валь-када* – соединение непроявленной возможности с неизменным фиксированным сюжетом – это механизм вечно возобновляемого творения, которое будет продолжаться до наступления Дальней жизни, потому что Ад и Рай, как Новая земля и Новое небо, уже не предполагают изменений. На возникновении Ада и Рая *Предопределение* приходит к своему завершению, освобождая от этой задачи внутреннюю сокровенную сторону *Мысли*.

## Глава 12. Свобода

Повторяемость творения связана с тем, что тварь как инструмент не может выполнить отведенную ей задачу в сюжетном Замысле. Это негативная часть *свободы*, – то, что Всевышним выражено в угрозе: «Если вы не сделаете, то…» Однако реализация Замысла связана с позитивным аспектом *свободы*, а именно – с торжеством сознания над Бытием, освобождением смысла от абсурда, разрывом зависимости человека от Иблиса. Таким образом, негативный и позитивный аспекты *свободы* являются как бы двумя отрицающими друг друга сторонами одной и той же данности.

## Глава 13. Намерение

Переход от негативной свободы (плохо сыграть свою роль и быть изгнанным) к позитивной реализации свободы (разорвать путы зависимости от Иблиса) осуществляется только через применение *воли*. *Воля* в *политическом исламе* имеет обязательное сознательно артикулированное выражение, то есть она конструируется в сознании как замысел, беря свое начало в концепции Божественного Замысла. Сформулированное *намерение* есть основа основ, потому что в таком случае сознание впервые становится активным деятелем вместо того, чтобы быть пассивной противоположностью Бытию. Такое превращение сознания из *свидетельствующей точки* оппозиции Бытию в «*активного игрока*» превращает энергию *воли* в *иман* (веру). Артикулированная *воля есть вера как утверждение своего предмета*. Без *намерения* как волевого аспекта мышления нет *политического ислама*.

## Глава 14. Смысл

Ничто из того, что сотворил Аллах, не создано напрасно. Это значит, что все *сущее* приведено к некой сверхзадаче, решение которой образует перспективу всех изменений, всякого движения, всякой борьбы противоположностей. Поскольку цель человека как обладателя *Рухулла* и наместника, *халифа*, на земле – это победа над злом, *смысл* на человеческом уровне выступает как противоположность злу. Зло и абсурд – одно и то же: это феноменальное Бытие, которое представляется безграничным. Наиболее очевидной формой этой кажущейся безграничности выступает *длительность*, в которой феномены (*сущее*) являются переменной величиной, а их уничтожение – постоянной («Мы живем и умираем, и убивает нас только время (*дахр*)». Коран, 45:24). Смысл в *политическом исламе* выступает как остановка бесконечного негатива, торжество над Роком.

## Глава 15. Финал и финализм

С точки зрения язычников Бытие бесконечно. Для Аристотеля мир бесконечен. Наконец, есть сама концепция *бесконечности*, которая не только больше, чем мир, но и больше, чем чистое Бытие. Однако категорически нельзя отождествлять понятие «бесконечности» и Творца. Всевышний есть «конец бесконечности» – и именно в этом смысле Ему принадлежит качество «*Акбар*».

## Глава 16. Человек как «оппонент» Аллаха

В Коране человек называется «*хасим мубин*» – оппонент явный. В отличие от Иблиса, который определяется как враг, человек – всего лишь «оппонент», то есть «противодействующий, спорящий» и тому подобное. Он состоит из глины, которая враждебна Духу, и, как структурированное существо, тяготеет к отождествлению с Бытием. Но человеком его делает язык, который сам по себе есть Откровение Аллаха. Поэтому человек находится на платформе скользкого компромисса, поскольку инструмент Откровения – язык – из средства реализации Мысли превращен в средство социальной коммуникации. В свою очередь «социальная коммуникация» – это механизм «сбивания с пути», интеграции человека в социальную проекцию Бытия.

## Глава 17. Человек как адамит

Люди в своей массе являются «потомками Адама» лишь метафорически – в той мере, в какой они усваивают человеческую природу через язык, впервые принесенный Адаму. Люди не обладают самостоятельно той искрой Святого Духа, которая была вложена в Адама при сотворении. Однако язык и выраженное в нем Откровение дают им шанс на реализацию Духа в себе.

## Глава 18. Человек как «виртуал»

Язык, в который погружается человек при рождении, как средство коммуникации накладывается на новорожденного в матрицу, которая является заменителем его человеческой сущности. В этой функции сам язык фальсифицирован относительно своего подлинного назначения. Человек как носитель языка выступает в роли пассивной возможности, которая сама по себе бесконечно меньше и слабее потенциала, заключенного в языке. Однако артикуляция *воли как веры* может стать путем, выводящим человека из *виртуальной* причастности к адамизму в *реализацию*. Окончательное подтверждение превращения *виртуального* человеческого статуса в *реализованный* будет лишь в день Суда.

## Глава 19. Человек как инструмент Провидения

Передача людям языка лишила их гармонии с Бытием, но одновременно открыло возможность истории как сюжета. Подавляющее большинство людей пошло путем формирования общества, которое есть *машина по фальсификации Откровения*, по превращению его в противоположность. Одновременно с этим в противостоянии обществу возникает «малый отряд» – *избранный народ*, задача которого достичь цели истории.

## Глава 20. Цель истории

Циклическое проявление творения содержит в себе возобновляемый проект превращения *виртуального* проблеска Духа в его *реальное* присутствие. Это подобно тому, как если бы солнечный зайчик, отбрасываемый отражающей поверхностью, чудесным образом превратился в активный источник света.

## Глава 21. Новая земля и Новое небо

Незавершенных циклов несостоявшегося проекта может быть сколь угодно много, – как чисел в числовом ряду. Однако они неизбежно завершаются в точке, когда этот проект реализуется. Поэтому уподоблять бесконечность повторяющихся циклов числовому ряду надо в обратном порядке: не от единицы в бесконечность, а от бесконечности к единице. Тогда становится понятным, что числовой ряд на самом деле конечен и неизбежно приходит к единице как к последнему числу. В этой точке состоится Суд, после которого возникает *Новое Бытие*, не имеющее характера субстанции, противостоящей *Мысли*. Праведники, вошедшие в Дальнюю жизнь, обладают своим *свидетельствующим* сознанием как независимым источником света, хотя в Ближней жизни это был наведенный извне блик.

## Глава 22. Циклы и чудо Воскресения

Человечества, которые не реализовали поставленный перед ними Всевышним проект, уводятся Им как «не бывшие». «От них нет даже шороха» (Коран, 19:98). Творение не обладает самостоятельной ценностью вне Проекта так же, как для скульптора ценностью обладает лишь в совершенстве реализованная скульптура, но не глина, которую он использует. Судить о результате можно, только когда он доведен до конца в виде скульптуры, судить глину – бессмысленно.

Суду подлежит жизнь каждого индивидуума, включенного в цикл, внутри которого состоялась *победа*: в какой мере отношение индивидуальной глины к виртуальному присутствию Духа содействовало этой победе или мешало ей. Тогда получает значение каждый шаг судимого. Вне отношения к победе нет и предмета Суда. В каждом цикле есть шанс на то, что он станет последним. Воскресение из мертвых означает повтор. Аллах сначала совершает творение, а потом повторяет его. Однако *повтор* есть, с точки зрения законов тварной реальности, нечто *невозможное*, поскольку представляет собой ограничение неисчерпаемой *возможности*. Это как повторение одного и того же числа в числовом ряду. Однако мы видели, что, устремляясь к началу, числовой ряд приходит к своей остановке в единице.

## Глава 23. Свет Аллаха

«Аллах есть Свет небес и земли» (Коран, 24:35). Речь в Коране идет не о том свете или сиянии, который известен язычникам как иррадиирущий свет, разгоняющий тьму. Любой свет, который горит в ночи, есть свет, обреченный погаснуть. Потому что тьма предшествует всякому свету. Свет Аллаха неисчерпаем, потому что он есть Сияние, поднимающееся из глубины самой Тьмы, – свечение, которое образовано «черным, еще более черным, чем черное».

## Глава 24. Бытие как солярный свет

Святой Дух, порождаемый Провиденциальной Мыслью, не имеет природы света. Сущность света именно в выходе наружу из тьмы. Дух является наиболее внутренней, глубинной, смысловой стороной *Тьмы как сокрытия*. Поэтому Бытие как *антимысль* принимает облик света, в котором достигается наибольшая противоположность сущности Духа. Внутри Бытия тоже есть полюса – от тьмы внизу сгущения до света вверху. Но «солярный свет» вверху есть Люциферова противоположность Свету Аллаха.

## Глава 25. Ночь Могущества

«*Кадр*» есть потенциал или возможность, из которой извлекается все. Ночь Могущества – это первоначальная бездонная тьма Хаоса, в которую спускаются Дух и ангелы как носители *повелений*.

## Глава 26. Повеление

*Амр* («повеление») есть полярная противоположность Хаосу, то есть некая фиксация формы, в том числе и логической. Именно в этом аспекте *амр* означает так же «дело» или «проект». В широком смысле *амр* есть конкретизация Замысла, о котором выше было сказано, что это наиболее проявленная внешняя часть Мысли.

## Глава 27. Нисхождение Духа

Главным нисхождением Духа является его проявление на уровне тварного человечества, которое располагается как раз в центре творения – между формой и Хаосом. Таким образом, нисхождение Духа есть сначала нисхождение Адама, посланного к «виртуальному» человечеству, а затем нисхождение Джибриля к пророкам, произошедшим от Адама.

## Глава 28. Власть как интрига

Согласно Корану, правители являются преступниками, которые интригуют ради сохранения своей власти. Суть интриги есть манипулятивная технология, с помощью которой контролируется социум.

## Глава 29. Правители как преступники

Преступность правителей носит изначальный онтологический характер. Иными словами, правитель не может не быть преступником – и не может быть добрым, справедливым и прочее. *Правитель со знаком «плюс» – это языческая концепция*. Правитель всегда на службе социума, который есть тень Иблиса на земле. Таким образом, правитель – это тот «мост», который *соединяет оригинал с отражением*, через который Бытие в чистом виде делает шаг внутрь нашего мира.

## Глава 30. Повиновение

Мусульманин повинуется Аллаху, Его посланнику и тем из его собственной среды, кто обладает *амром*. Кто такие обладатели *амра*? Это те, в которых сформулированное в сердце и на уровне языка намерение совпадает с Замыслом Всевышнего. Такое совпадение не может

быть полным и совершенным. Оно всегда носит частичный характер. Совершенство оно приобретает только в личности Махди, который является *Ведомым* Аллахом. Однако предварение в некоторой степени этого состояния «вед*о*мости» возможно и обязательно внутри лучшей из общин, потому что без этого она не была бы *избранным народом* в центре истории. *Амр* безусловно выражен в Коране, в Сире пророка (да благословит его Аллах и приветствует), а также ниспосылается в Умму для того, чтобы «малый отряд» мог вести джихад на исторической сцене.

## Глава 31. Государство

«Разве вы пойдете за судом к *тагуту*, после того как вы узнали лучшее» (Коран, 4:60). Государство – это *тагут*, языческая концепция, которая представляет собой противоположность *амру*: энтропия, предъявленная как порядок. Государство всегда «заточено» на то, чтобы из инструмента стать объектом поклонения, поэтому в своей безусловной окончательной форме государство стремится изолировать и сбить с толку правителей и проявить максимальную тиранию по отношению к управляемым. В этом смысле государство *асоциально*. Однако это не борьба с обществом как тенью Иблиса, а на самом деле *выход наружу болезни, присущей самому обществу*.

## Глава 32. Джамаат

*Джамаат* есть братство верующих, которое противостоит обществу, являющемуся машиной по отчуждению человеческого потенциала реализации Духа. Единственным источником энергии в социальном бытии является физический человек как «*человек говорящий*». Поэтому вся фальсификация человеческого пространства строится вокруг фальсификации языка. Последним уровнем этой фальсификации становится *посткоммуникация*, реализуемая в наиболее открытой форме государства.

## Глава 33. Общность

На протяжении истории глобальное общество расслаивается на много мелких и частных общностей, которые являются функциональными до определенного уровня: нации, экономические классы, политические партии и так далее. Общество стремится растворить их в себе: *атомизировать* индивидов, чтобы присваивать их энергию без посредства промежуточных объединений. Все объединения, которые не соотносятся с реализацией божественного Замысла, являются ложными общностями. «Мы сотворили вас племенами и народами, дабы вы познавали друг друга», – эти слова обычно понимаются прямо противоположным образом. Познавать друг друга способны только мусульмане. Люди сотворены в *джахилии*, которая выражается в наличии племенной принадлежности, чтобы преодолевать тот «глиняный аспект», становясь членом *Уммы*. Это и есть «акт познания».

## Глава 34. Халифат как наместничество

Всевышний поставил, согласно Корану, человека «оператором» на землю. Речь идет об *адамической* модели человека. Именно Адам является *наместником* – исполнителем Замысла Всевышнего. К *наместничеству* относятся и фигуры пророков – те, которые происходят от Адама. Но могут ли быть наместники у пророков? В действительности наличие праведных халифов – это исключительная ситуация, где речь идет о ближайших *сахабах*. Оно санкционировано непосредственно Кораном и самим пророком (да благословит его Аллах и привет-

ствует). Однако дальше, когда мы говорим об Омейядах, Аббасидах, османах и других, мы такой санкции не обнаруживаем. Нам сказано: «Повинуйтесь обладателям *амра* из вас самих». Однако после праведных халифов, принадлежавших к *джамаату* пророка, мы имеем дело с династическим правлением, которое противопоставлено Умме. Эти люди не санкционированы пророком как его наместники, и тем более они не являются пророками сами, не происходят из *адамической* линии. Поэтому про времена после праведных халифов мы можем говорить только как о «виртуальном» халифате, роль которого играет политический *джамаат*. Именно политический *джамаат* представляет собой воплощение *адамического* архетипа до прихода *Махди*, который санкционирован Сунной пророка (да благословит его Аллах и приветствует) и будет подтвержден одновременным пришествием Мессии Исы (мир ему).

## Глава 35. Махди

*Махди* («Ведомый») – финальная реализация халифа как адамического «оператора», который управляем Всевышним в аспекте, открытом человечеству. *Махди* закрывает своим правлением человеческий цикл, и через него приходит предварительное преображение реальности. «Наполнить землю справедливостью, как она до этого была полна гнета», – это также изменение физических законов, когда через канал фигуры *Ведомого* в реальность нашего мира входит прямая поддержка Всевышнего.

## Глава 36. Ошибка и непогрешимость

Мы знаем, что лично пророк и «накрытые плащом»[14] были освобождены Всевышним от греха и ошибки. Многие мусульмане настаивают на том, что пророк был «простой человек», но самом деле они находятся под влиянием христианства. Это сугубо христианская идея, что священник – это простой, не лишенный заблуждений человек, через которого во время осуществления таинств якобы проходит благодать. Ясно, что пророк принципиально отличается от жреца, ибо жрец не послан и не избран. Через обычного человека, который не очищен Всевышним, не может передаваться Откровение, потому что рядовой человек обречен на то, чтобы его исказить.

Кроме того, жизнь мусульманина не распадается на сакральную и профаническую половины, когда пророк от такого-то часа до такого-то является верным передатчиком Послания, а после окончания «рабочего дня» становится обычным человеком.

Непогрешимостью в Исламе обладают только два человека: пророк в начале ислама и Махди в его конце. Кроме этого есть еще *ахль аль-киса* – «люди плаща», – которым Всевышний дал чистоту. Однако мусульмане должны различать между непогрешимостью в суждениях и непогрешимостью в деяниях и намерениях. Человек, который обладает совершенной чистотой с нравственной стороны, – свободен даже от намека на *харам*, – может принять ошибочное решение. Так, Хасан заключил договор с Муавией и передал ему халифат под обещание последнего следовать курсом халифа Али. Хасан, как внук пророка, был безгрешен. Но как политик он совершил ошибку, хотя эта ошибка была включена в Провиденциальный Замысел. Здесь мы подходим к важнейшему пункту *политического ислама*. Ошибки деятелей исторического процесса – наместников своего времени – включены в Провиденциальный Замысел. С точки зрения «нормальной» логики, и субъективно и объективно это – ошибки. Но с точки зрения Замысла Всевышнего – это необходимый элемент сюжета.

---

[14] «Накрытые плащом» или «люди плаща» – *ахль аль-киса*, очищенные Богом люди из семейства Пророка.

## Глава 37. «Пречистые имамы»

Концепция «пречистых имамов» не опирается на ясные и однозначные указания Кораны и Сунны и поддерживается только неопределенными и нуждающимися в сложных толкованиях метафорами типа «двенадцати принцев». Само наличие символического круга из двенадцати непогрешимых имамов противоречит духу и замыслу ислама, потому что в исламе Провиденциальный Замысел напрямую обращается к Умме, выделяя в ней в качестве авангарда не посвященных созерцателей, а политически ориентированных воинов.

Концепция некой закрытой «церкви», от имени которой общиной руководят посвященные толкователи, – это прямой возврат к язычеству и жреческим практикам. Поэтому идеология нового клерикализма с неизбежностью ведет к восстановлению пантеизма, абсолютно несовместимого с Откровением.

## Глава 38. «Сокрытие» Махди

Главным признаком, удостоверяющим реальность пришествия Махди, является, во-первых, его соответствие тем приметам, которые перечислены в Сунне пророка (да благословит его Аллах и приветствует), во-вторых, пришествие Мессии Исы (мир ему) и его соединение с Махди, чтобы возглавить борющуюся Умму. Вне двух этих позиций все остальные размышления на тему Махди не имеют значения. Он может быть как конкретным живым лицом, сокрытым до времени своего явления, так и архетипом, виртуально живущим в коллективном сознании политического джамаата. Более того, Махди может быть и тем и другим сразу.

## Глава 39. Даджал

Даджал – это осевая фигура, связанная с провалом миссии очередного человечества и повторяемостью циклов. Она представляет собой выход наружу архетипа, которому соответствуют в течение всей человеческой истории все правители в качестве преступников. Это, согласно традиции *мушриков*, «подземный император проявленного мира», который является прямым агентом Иблиса. Иблис в *ширке* имеет много манифестаций: Аполлон, Ормузд, Люцифер…

Со временем эти образы устаревают и превращаются в опорные модели культурных матриц, но обязательно сохраняется одна сквозная (сквозь эпохи) личина, которая сохраняет метафизическое значение. Актуальная манифестация Иблиса для современного человечества – это Будда. Кстати, его традиционный облик объясняет, почему в исламской традиции Даджал описывается как одноглазый («третий глаз»).

## Глава 40. Последняя битва

Согласно всем традициям – как авраамическим, так и *мушрикским*, – цикл человечества завершается битвой между адептами *таухида* и адептами *вахдата* или *адвайты* (*вахдат* и *адвайта* – это синонимы, указывающие на доктрину *монизма*, которая является идеологической «подписью» Иблиса).

Разница лишь в результате этой битвы. По тибетскому учению император Калачакры – Даджал – громит силы Млечха (мусульман) и открывает Золотой век будущего человечества. По мнению авраамистов, единобожники под руководством Махди и Мессии побеждают Даджала, после чего наступает правление Махди, предшествующее Воскресению.

## Глава 41. Хилиазм («тысячелетний Райх»)

Согласно Сунне пророка (да благословит его Аллах и приветствует), даже если Махди придет за час до Конца мира, Аллах продлит этот час, чтобы реализовалось полностью Обетование о преображении Ветхого Бытия еще до Воскресения и смерти всего человечества. Почему Сунна указывает на «день» или «час» как срок, остающийся до конца в момент прихода Махди? «День Аллаха как тысяча лет». Ислам акцентирует субъективную относительность времени, и Коран неоднократно ссылается на временн*ы*е характеристики человеческой жизни как меру длительности. *Тысячелетнее царство Махди* сопровождается полной трансформацией естественных законов, открытием чудесных паранормальных способностей не только у людей, но и у животных и неодушевленных предметов. А Золотой век *мушриков* предполагается до конца человеческого цикла еще в этом Ветхом Бытии как символ и подтверждение остановки циклов и грядущей совершенно Новой реальности.

## Глава 42. Третий сверхъестественный контур

Человечество в своей обыденной жизни уже живет в сверхъестественном, поскольку биологическая жизнь нарушает второе начало термодинамики, а общество нарушает законы, открывающиеся на уровне биологической жизни. В каком-то смысле можно сказать, что и жизнь, и история – это движение физического времени вспять. В натуральном виде время есть переход от энергии к веществу, а в биологии и социуме вещество становится энергией. Так называемый «прогресс» – это некоторым образом «машина времени».

Однако нарушение второго начала термодинамики и в жизни, и в обществе ограничены и обречены: в случае биологии – на смерть особи, а случае общества – на финальный коллапс человечества. Есть *третий сверхъестественный контур* – прямое вторжение поддержки Всевышнего, упомянутый в Коране *наср Аллах*, которое приходит в том случае, если «малый отряд», сражающийся за реализацию Замысла, обладает достаточной «критической массой».

## Глава 43. Интрига против интриги

«И хитрили они – и хитрил Аллах…» (Коран, 3:54). Всевышний указывает, что содержание политики, осуществляемой правителями, – это интрига, заговор и манипуляция. Можно сказать, что Коран поддерживает «конспирологическую» интерпретацию истории.

В этом смысле можно говорить, что политика *джамаата* должна являться *контринтригой*, реализуя (в границах *шариата*) политические методологии для того, чтобы блокировать и реализовать власть мировых верхов. Ведь политический *джамаат* – это *коллективный халиф* до прихода Махди и, стало быть, к нему относятся, как к халифу, приведенные выше слова: «И хитрил Аллах, а Аллах лучший из хитрецов».

Одним из методов борьбы против власть имущих Коран указывает «засаду», то есть непрямые и скрытые техники, а также «избиение руководителей неверия».

## Глава 44. Смирение жречества и гордость воинов

Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) сказал бывшему бандиту перед началом битвы при Бадре, который прохаживался перед строем с вызывающим видом: «В другое время и в другом месте Аллах не одобрил бы такое поведение». Поскольку для ислама весь мир – это *дар уль харб*, а время, оставшееся до конца цикла, это *заман уль харб*, можно сказать,

что Аллаху угодна гордость воинов как тех, кого Коран называет «стоящими ступенями над другими (– не воинами)».

Вместе с тем в Коране выражена хвала в адрес тех иереев, которые не расточают имущество людей и не превозносятся. Из этого следует, что ислам требует, чтобы жречество – в той мере, в какой оно вообще допускается существовать, – занимало бы крайне скромное и подчиненное положение, а господствующим классом должны быть *муджахиды*.

## Глава 45. Ислам как стратегия Духа

У бесконечно малой частицы Святого Духа, брошенной в недра инертной глины, нет шансов на победу, если она не будет поддержана Откровением, что носит стратегический характер. Откровение содержит в себе инструментарий борьбы – набор приемов и пониманий, без которых просто невозможно освобождение от рабства Иблису.

## Глава 46. Суфии и клерикалы в Исламе

Ислам ниспосылается человечеству, а человечество – «оппонент явный». Враждебность Аллаху выражается в том, что в «естественном» человечестве вершину пирамиды занимают жрецы. Это та специфическая часть рода людского, которая обладает способностью, во-первых, прямо созерцать времена до пришествия Адама, а во-вторых, видеть непосредственно те или иные ипостаси Великого Существа.

Именно жрецы хранят техники, открывающие возможность – в исключительных случаях – отождествления между отражением и оригиналом, то есть соединение человека с Великим Существом. Когда ислам приходит в мир, то внутри принявшей его части человечества жрецы отнюдь не собираются капитулировать и приносить с собой веревку, на которой их повесят. Они переходят в контрнаступление и стремятся перекроить ислам в терминах традиционного *ширка*. Это то, что называется «волки в овечьей шкуре». Одной из разновидностей контрнаступления *мушриков* внутри ислама является образование посвятительных организаций, которые возглавляются «старцами». Другая форма контрнаступления – превращение «старцев» в более или менее экзотерическую, «теоретизирующую» корпорацию клерикалов. При этом мировоззренческая база посвятительных учителей в суфийских тарикатах и экзотерического «духовенства», выступающего в роли образцов для подражания, – одна и та же.

## Глава 47. Джихад

*Джихад* коренится в самой концепции *сознания как противостояние Бытию*. Из этого берет свой исток теория *веры как акта воли*, внутри которого есть сформулированный *нийят* (намерение). Поляризация сознания, заряженного *намерением*, и Бытия как антидуховной силы создает условия для возникновения феномена *усилия. Усилие* есть поворот естественного течения сверху вниз, вспять. Собственного говоря, сумма *усилий*, проявленных *джамаатом*, это и есть попытка достижения той «критической массы», которая приводит к вторжению прямой поддержки Аллаха в пространство истории. Главное противостояние с Бытием – это, очевидно, не противостояние с физическими элементами. Социальное Бытие является наиболее изощренным и опасным врагом сознания, поскольку имитирует акты сознания: имитирует намерения, организацию, «проектное мышление» и так далее.

Поэтому борьба с социальным Бытием и его носителями есть главная форма *усилия*, по определению имеющая насильственный характер. Попутно добавим, что попытки превратить главное направление борьбы в «малый джихад», а нравственное самосовершенствование, кото-

рое подрывает на самом деле устои *шариата*, в «великий джихад», – это наиболее явная форма подрывной деятельности клерикалов, окопавшихся внутри ислама.

## Глава 48. Революция пророков

Сущность *революции пророков* в том, что «человек естественный» под руководством жрецов ориентирован уже на «клеточном» уровне воспринимать реальность в терминах тождества. «Всё *равно* всему», «ты есть то», «что вверху, то и внизу», «символ и аналогия», «великое в малом» и прочее. Пророки разрывают эту органику, утверждая вместо этого принцип абсолютного нетождества, один конец которого в нас самих (ибо мы воспринимаем все, поскольку мы не тождественны ничему), а другой конец этого нетождества – Аллах, Который противоположен всему, что только может быть или что можно представить. Отсутствие *подобия Аллаха чему бы то ни было* есть та основа, на которой существует факт нашего сознания. Это и есть главный тезис, к которому в конечном счете сводится революционная миссия пророков.

## Глава 49. Отражение Замысла

На коллективном плане, в масштабах человечества, стратегическая цель ислама – это превращение «виртуального» присутствия Святого Духа в глиняном человечестве в реальное. При этом осуществляется остановка «дурной» бесконечности – повторов творения, уходящих назад в минувшую вечность. На индивидуальном уровне верующий, вошедший в жизнь Дальнюю после Суда, впервые становится истинной личностью, потому что до сих пор, в Ближней жизни, мы имеем такое же отношение к нашему сознанию, как стена – к солнечному зайчику, который на нее пущен. А в Дальней жизни этот приходящий блик становится вечным, самостоятельным и свободным центром *присутствия*, которое получает свое уникальное имя.

Что же стоит между этой коллективной задачей и индивидуальной перспективой, которую для краткости называют «спасением»? Стоит *джамаат* – союз братьев, которые на платформе *политического ислама* вовлечены в акт мышления, соответствующий Замыслу Всевышнего. Они мыслят так, что эта мысль становится зеркалом Замысла, и реализуют этот Замысел на земле, – разумеется, с опорой на стратегии Духа.

## Глава 50. Освобождение от Великого Существа

Точно так же можно говорить о том, что реализация Замысла на трех этапах предполагает освобождение от Великого Существа. Но эта свобода приобретается в обратном порядке. Сначала движение к свободе осуществляет индивидуум через *ният*, а сама формулировка *нията* есть уже акт неповиновения со стороны отражения своему оригиналу. Затем сделавшие этот первый шаг носители намерения образуют общину братьев – *политический джамаат*. Затем борьба *политического джамаата* достигает той критической массы, за которой открывается прямая поддержка Аллаха. На этом уровне происходит полное освобождение человеческой проекции от архетипа Великого Существа и интеграция избранного народа в проект Адама.

# Черновые наброски к книге «Теология политического ислама»[15]

## 1. Зло

Всякая метафизика должна была бы начинаться с проблемы зла. Практически ни одна этого не делает. Человеческое сознание напугано самой идеей зла, поскольку зло заведомо антибытийно и имеет отношение к тайне происхождения самого сознания. Сознание ведёт себя перед злом, как напуганный ребёнок перед шкафом, в котором – он знает! – прячется «бука».

Поэтому по поводу зла существует огромное количество философской дезинформации, в основном вращающейся вокруг теодицеи «оправдание Бога». Придумываются разные конструкты, согласно которым Бог не создавал зла, но каким-то образом «попустил» его возникновение.

Или же зло представлено как некое «умаление» или «убывание» добра, в котором прежде всего повинны сами люди: была, мол, полная чаша добра, незаметно она из-за хромого столика проливалась и проливалась, – и вот так из возникающего дефицита появилось зло.

Конечно, всё это смешные и инфантильные конструкции, которые не имеют никакого отношения к серьёзной постановке вопроса.

Прежде всего зло, как «чистое Зло», не обладает онтологической или, не дай Бог, этической природой. Зло – это чистая гносеология. Зло есть неведение. При этом следует понимать, что неведение – это весьма объёмная и обширная тема.

Незнание имеет собственную иерархию. Есть незнание феноменологическое – незнание о некоем предмете, обстоятельстве. Такое незнание легко убирается. Правда, всегда есть вопрос, заменяется ли это незнание подлинным знанием. Но, по крайней мере, на место абсолютного незнакомства с предметом приходит некое описание, которое можно условно принять за знание. Но это всё касается сферы, которая сама по себе иллюзорна – сферы вторичного феноменологического бытия. Говоря о первичном Бытии, о первозданном оригинале, мы уже попадаем в сферу заведомо негарантированного: мы не можем сказать о Бытии, что оно есть, – как мы говорим это о некоем объекте, попадающем в сферу нашего восприятия.

Мир, окружающий нас, – это организованное сцепление описаний (для подавляющего большинства они выступают в качестве реальных объектов), огромное количество которых до нас просто не доходит. Ни один субъект не может знать больше незначительного островка внутри этой системы. К тому же, поскольку все человеческие знания определяются языком, то знание человека ещё зависит от такого условного фактора, как образовательный уровень. Например, для врача практически не существует геология с описаниями, открывающими целую вселенную.

Если это так по поводу феноменологического мира, мира объектов (то есть описаний), то это неизмеримо масштабнее, когда речь заходит о Бытии самом по себе. Описание здесь исчезает «как класс» по той простой причине, что чистое Бытие апофатично, стоит вне конкретных лимитов, – то есть, попросту говоря, чистое Бытие ускользает от определений.

«Обычный человек» не является отражением чистого Бытия, в котором последнее обнаруживало бы себя, как мы обнаруживаем себя в зеркале или на фотографии. Обычный человек для чистого Бытия – это периферийный феномен, мелкий штрих. Все амбиции по поводу «образа и подобия» – это не к обычным людям. Сама тема аналогии, тема архетипа эксклю-

[15] Так у автора: «Черновые наброски…» Здесь тезисно, но более развернуто, изложены некоторые пункты из приведенного выше «Плана книги…»

зивна. По образу и подобию Бытия сформированы люди вообще, но не человек в частности. Когда заходит речь об отражающем «образ и подобие» отдельном человеке, то это уникум, пророк. Он берётся как архетип, во всём «похожий» на «людей вообще». В него внедряется Дух Божий, чтобы послать его к этим «людям вообще». Но обычный человек, «человек в частности» – это просто случайный листок с ветки.

Так что же с Бытием? По поводу Бытия известно лишь, что к нему недопустимо прилагать предикат «есть». Поэтому здесь возникает опасная свобода. Первым и простым шагом будет такой удивительный тезис, как «Бытия нет». Это логично. Ведь если о Бытии нельзя сказать, что оно есть, как есть какой-нибудь карандаш или улитка, тогда вроде бы очевидно, что должно быть верно обратное.

Однако почему-то люди не соглашаются на такой очевидный шаг именно в такой простой форме. «Бытия нет». Как-то глупо звучит, не правда ли? Вся эллинская философия построена на ключевом высказывании Парменида: «Бытие есть – небытия нет».

Однако среди нас ходят люди – и таких, вероятно, подавляющее большинство, – которые на самом деле исповедуют этот принцип «Бытия нет», только зашифрованный таким образом, чтобы не выглядеть сомнительно. Эти люди – атеисты. Ведь на самом деле и для эллинских философов, и для любых других традиционалистов «Бытие есть Бог». Это никак не может быть иначе. Ведь Бог не может быть объектом или предметом среди прочих. Бог не может быть феноменом – он сверхфеноменален. А раз так, то идея Бога неизбежно совпадает с идеей Бытия. Стало быть, всё то, что было нами ранее сказано о невозможности применить предикат «есть» к Бытию, относится и к Богу. Таким образом, тот простой шаг, который люди не смеют сделать в адрес Бытия, они легко делают, когда Бытие скрывается под псевдонимом «Бог».

Но тут встаёт другой вопрос, на который надо ответить прежде, чем двигаться дальше: почему, собственно, предикат «есть» неприменим к Бытию, если он применим к «клейкому листочку» или травинке в отдельности? Видимый мир состоит из обладателей этого предиката. Что же происходит при переходе к Бытию и, кстати: откуда мы берём, что оно всё-таки является фактором?

Ответ такой: это чисто математическая вещь. Множество нельзя выразить в числе. Множество может иметь некую мощность относительно другого множества. Но его нельзя посчитать. Хорошо, мы заходим в мир, как в супермаркет, проводим там «инвентаризацию»: у нас там 203 плюшевых мишки, 9155 авторучек… Вроде как посчитали. Да, но это не имеет отношения к множеству. Это супермаркет. Он не иллюстрирует Бытие. Таким образом, кажущееся противоречие снято, и можно идти дальше.

Супермаркет состоит из описаний. Бытие – это *антиописание*. Поэтому подходом к нему может быть только активное незнание. Но вот в чём вопрос: если знание того, что такое описание, скорее всего, является ложным знанием, то не является ли незнание, в сократовском смысле, ложным незнанием?

Сократ, при посредстве Платона, 2500 лет убеждал нас, что главное «схвачено»: «Я знаю, что ничего не знаю». Казалось бы, безусловная формула, которую на кривой не объедешь. Ничего не знаю – и точка. «Зато это я уж точно знаю!» А если это ложь? Если то, что думаю, что я не знаю, если вся сфера моего незнания летит к чёрту, я оказываюсь в гораздо более глубокой тьме. В каком-то инфернальном изоляторе, на который я не рассчитывал.

Сократ – да и вышедший из него Кант – в целом по-человечески понятны. Они думают так: да, конечно, любое утверждение – это ерунда, знания нет и быть не может. Человеческая юдоль построена на фундаментальных столпах нигилизма. Интеллектуальное поле очищено, и там нет никаких объективных утверждений. Начинаем строить что хотим, исходя из нравственных императивов. Никто не помешает, никакой блок не встанет на пути. Это при условии, что мы правильно поняли своё незнание. Тогда всё, что мы строим в отсутствии объективных

утверждений, является нашим добром вместо Бытия, которое в качестве добра развенчано. Вот такая тихая революция!

Во всех этих рассуждениях очевидно одно: сознание стремится заполнить вакуум знания если не объективными утверждениями, в которые оно теряет веру, то по крайней мере «этикой», за которую сознание как бы отвечает. Категорический императив – вот и всё. Контент? Ну разумеется: «Делай другому то, что хотел бы от других себе». Дальше этого такая «перезагрузка» вряд ли может пойти. Но нам интересно то, что сознание не терпит пустоты, испытывает ужас перед незнанием. А ведь не знать можно по-разному. Можно не знать то, что должно находиться вне нас в сфере описаний, в сфере объективного мира, а можно ведь соприкоснуться с чистым незнанием – с незнанием бездонной глубины. И тут встаёт вопрос: а вот незнание – оно обязательно относится к чему-то, связано с чем-то, или это незнание, которое является модусом самовыражения чего-то, что принципиально и безусловно находится вне возможности это знать?

Представим себе, что наше восприятие – не только интеллектуальное, но и наша инстинктивная сфера, сфера некоего переживания, опыта – подобно локатору. Представим себе, что эта локация имеет сферическую направленность. Техническая начинка этого локатора безупречна в плане того, что все шумы, все видения, все царапины, появившиеся в сфере этой трёхмерности, будут транслированы в центр и так или иначе отмечены. У нас, конечно, остаётся технология «стелс», но, допустим, мы и с ней разошлись и решили вопрос. «Стелсы» тоже в нашем локаторе прекрасно отмечаются.

Теперь нас интересует сфера, которая вообще не даёт никакого контакта, никакого проявления, вообще «молчит». Главный вопрос, который встанет, будет такой: это молчание – оно о том, чего нет, или о том, что есть неким особым образом вне всякой реальности? То есть нечто, суть которого в том, что оно вне восприятия. «Связаться» с ним никак нельзя. Метнуть в него камень никак нельзя. Как говорили древние: «Неизвестный бог», – и ставили этому «неизвестному богу» памятник. Но понимали ли они что-то о «неизвестном боге»? Вот он-то и есть Абсолютное Зло, потому что его внутреннее определение как глубочайшей, ничем не потревоженной ночи, разрушает изначально саму идею утверждения. Это – *антиутверждение*!

Конечно, мы можем некой духовной революцией перевернуть саму природу логики и сказать, что вот это, находящееся вне свидетельствования, оно и есть истинное *Всё*, рядом с которым погасло не только любое описание, но и любое самоотношение духа к себе. Неведомое – оно и есть утверждение. Оно есть *Всё*.

Но ведь в чём ужас? Как только мы указали на то, что это – *Всё*, мы тут же получили новое, ещё более глубокое отсутствие, которое вне этого *Всё*. Тайна мысли в том, что *Всё* может меняться, из *Всё* Блага превращаться во *Всё* Зла. Но иное, выступающее как непроявление, отсутствие, лишённость, никуда не денется. В мысли заложена «болезнь», которая ускользает от покрытия её Абсолютом. Эта болезнь не растворяется Абсолютом.

Кстати, мысль так и смотрит на Абсолют, как на всеобщий «растворитель». Он «растворяет» всё, кроме этого внешнего мрака, и пока этот внешний мрак не преодолен, пока он не схвачен и не поставлен на колени, абсолютное зло есть начало и конец, в котором утверждение отменено. А стало быть, любая запредельность лишена ценности, убедительности, подлинной эффективности. Пока это зло отсутствия не преодолено через освобождающий принцип Трансцендентного, Дух не имеет «золотого эквивалента», он – «бумажка» (в финансовом смысле слова). Эти «бумажки» принимают лишь постольку, поскольку в своё время Сократ соврал, а ему поверили. Дескать, незнание – это очень просто, мы о нём «всё знаем».

Вся реальность человеческого фактора зиждется на лжи Сократа.

## 2. Бытие

В человеческом сознании Бытие вообще, точнее, идея Бытия, заменяет собой утверждение. Иными словами, под Бытием метафизик понимает *Всё*. Однако величайшая тайна Бытия – это его происхождение. Бытие представляется бесконечным. Вместе с тем оно неразрывно связано с принципом возможного. Бытийствует то, что возможно. Перефразируя Парменида, можно было бы сказать: «Возможное есть – невозможного нет». Для традиционалистского мировоззрения возможность есть само Бесконечное, которое совпадает с Абсолютом. Точнее, является его пассивной, обращённой к сфере реализации, стороной.

В этом глубокая ошибка традиционалистского мировоззрения. Возможность не может быть универсальной и бесконечной – причём заведомо! Возможность всегда конкретна: это возможность чего-то. Более того, возможность есть синоним конечного. Мы намерены здесь проследить, как возникает конечное.

Оно рождается из диалектики самосокрытия Мысли. Мысль несёт в себе фундаментальную и неразрешимую апорию. Она визионирует тотально *Всё*, вместе с тем полагая себя не тождественной этому *Всё*. Из этой воли Мысли к абсолютному нетождеству рождается то, что не может быть ничем, что находится «за пределами того, у чего нет пределов». Это есть метафизический «скандал» внутри Мысли. Этот скандал должен быть скрыт от самого себя, в противном случае Мысль потерпит крах (суть «скандала» состоит именно в перспективе краха). «Скандал» скрывается под видом (или маской) невозможного, что соответствует внешнему определению этого парадокса. Невозможное всё ещё продолжает быть неприемлемым «скандалом», потому что мысль, образно выражаясь, «не имеет права» мыслить невозможное. Тогда мысль прибегает к следующей «хитрости»: она рассматривает плод своей воли к иному как отрицаемое. Здесь мы попадаем уже в сферу почти приемлемых категорий. Да, есть нечто отрицаемое: это – ошибка.

Роль отрицающего берёт на себя первоначальное *Всё*, которое падает вниз, на периферию, и там становится из тотального *Всё* всего лишь «просто» Абсолютом, то есть безграничным негативом, функция которого из интровертной («я есмь Всё») превращается в экстравертную («ничто, кроме меня»).

Таким образом, для нас впервые открывается вообще категория бесконечного, которой не было в изначальном *Всё*. Изначальное *Всё* не могло быть бесконечным и не нуждалось в этом. Оно предшествовало бесконечности, будучи самодостаточным избытком.

Однако Абсолют «озабочен» любым ограничением себя, предъявлением чего-то помимо себя. Его главная забота – это отрицаемое, но он готов уничтожать всё что угодно, будучи внутри себя бессодержательным. Первоначальное *Всё*, из которого этот Абсолют исходит, было сверхсодержательным или, точнее, даже предсодержательным. Оно предшествовало любому содержанию как позитивное изобилие, изобилие в себе. Абсолют же отрицает то, что может ограничить его бесконечность, то есть конечное. Тем самым впервые возникает принцип конечного как антитеза Абсолюту.

Следует ясно понимать, что эта антитеза бесконечному не имеет никакого отношения к невозможному, к отрицаемому, которое представляет собой плод этой главной апории, сгустившейся в центре Мысли как её наиболее «священный» предмет. Конечное по противостоянию с бесконечным рождается из «слабого» Абсолюта как оборотная сторона его бессодержательности.

Конечное имеет вид точки, потому что точка является формальным аналогом бесконечного. У точки нет измерений. Она ограничивает собою, как оппозиция или граница, но вместе с тем она несёт на себе печать бесконечного, будучи его инверсией.

Именно эта точка является начальным Бытием, возможностью Бытия и одновременно впервые появившимся принципом конечного.

Появившись, этот принцип выводится из сферы мысли и становится антимыслью.

Далее эта «первоединая» точка распадается на пять других конечных возможностей или проекций:

• возможность, в которой конечное осуществляется как нечто уникальное и неповторимое, которое может возникнуть только здесь и теперь;

• возможность аналогии этому уникальному;

• возможность уникальному не быть;

• возможность аналогичному не быть;

• возможность не быть ничему.

Эти пять возможностей – каждая будучи конечной – описывают полностью ситуацию и судьбу любого феномена. Они, эти пять возможностей, являются архетипическими протозеркалами, которые отражают друг друга и создают новые зеркала, в которых появляются уже комбинации этих первоначальных позиций.

Следует заметить, что эти пять принципиальных позиций есть идеи, поскольку относятся к сфере *антимысли*. В этих идеях совершается смерть Духа, дышащего апорией, парадоксом нетождества. Эти идеи, «зеркаля» друг друга, расходятся по спирали, порождая новые зеркала. Неограниченно растущая сумма этих зеркал создаёт то, что можно назвать «разумом» Бытия, вселенским Нусом, который идёт после «первоточки» (что, кстати, вполне правильно определяет традиционалистское мировоззрение: сначала в иерархии Бытие как таковое, затем разум, Логос).

Таким образом, Бытие, кажущееся безграничным и неисчерпаемым, есть на самом деле расходящийся по спирали круговорот конечного. Сумма всех этих конечных состояний образует Великое Существо, которое отражается в каждом вновь созданном и входящем в анфиладу зеркале. В добавлении к его прямому отражению находит место его отражение из других зеркал. Каждое из этих зеркал есть мир, есть некий континуум, в свою очередь кажущийся его обитателям безграничным, притом что все эти обитатели есть тени и тени теней, отражения и отражения отражений Единого Существа, возникшего из чистого негатива как граница этого негатива.

## 3. Сознание

### I

Бытие, рождённое из точки, которая отражается в бесчисленных зеркалах, будучи конечным, нуждается в антитезе. Всё конечное нуждается в антитезе как в катарсисе!

Бытие есть антимысль, некий отрицательный «продукт» мысли, обязанный своим происхождением тому обстоятельству, что Мысль внутри самой себя породила конфликт, «скандал», который, с одной стороны, противоречит её природе (Всё), но, с другой стороны, этот же скандал является внутренней судьбой и назначением Мысли. Поэтому Бытие, находясь вне Мысли, тем не менее включено в сферу её судьбы.

Каким образом? Как осуществляется связь между Мыслью и Бытием? В центре Мысли находится невозможное, а Бытие рождается из возникшего вне Мысли возможного. Световой блик невозможного должен упасть в центр Бытия и стать внутренней антитезой Бытию, как Бытие является антитезой Мысли. Блик невозможного падает в одну из срединных проекций Великого Существа, – проекцию, которую избирает Провиденциальный ход Замысла. Эта проекция – «образ и подобие» Великого Существа – именуется Адамом. Именно Адам бро-

сает Бытию вызов и закладывает Провиденциальный пророческий сюжет, реализация которого опирается на его потомков.

В ходе развития этого сюжета искра невозможного, павшая в сердце Адама и реализующаяся в его потомках и последователях, должна превозмочь безграничную ложь конечного, безграничную инерцию субстанции, безграничную силу Великого Существа. Это откроет путь к обратному процессу во внутренней диалектике самой Мысли. Если первая фаза этого процесса, приведшая к возникновению Бытия, была самосокрытием Мысли, то вторая становится её противоположностью. В восходящем векторе после торжества над Бытием Мысль последовательно открывает внутри себя фазы отрицаемого и невозможного как утверждаемого и глобального. Мысль становится невозможностью во всей полноте. Трансцендентный Субъект, Которому принадлежит Мысль, раскрывает себя как невозможное и преодолевает собственную отрицательную природу.

Вот эта искра невозможного в сердце Адама (в центре Бытия) и есть подлинное сознание, выступающее в качестве принципа нетождества всему сущему.

Сознание действует по принципу оптической чёрной амальгамы, которая останавливает луч света. Если перед этой амальгамой находится полированное стекло, то в нём возникают предметы. Носитель сознания воспринимает феномены вокруг себя постольку, поскольку он не является одним из них. Он обладатель этого зеркала, в котором предметы проявляются за счёт того, что эта амальгама принадлежит к совсем другой реальности, нежели Бытие.

В буквальном смысле частицы невозможного существуют только в сердцах пророков. Они передают язык, а потом и Послание тем, кто может их воспринять и услышать. У людей, научившихся языку, эта частица «тёмного света» пребывает в виртуальной форме через язык. Приобщённость к языку есть приобщённость к сознанию. Однако следование за языком и за стратегической волей Духа, который имеет своей основой вот эту самую искру, может привести к тому, что после воскресения из мёртвых человек будет удостоен трансформации своей причастности к Духу. Она из виртуальной преобразится в реальную. В Раю могут находиться лишь обладатели реального сознания, которое позволит им видеть черное сияние Трансцендентного Субъекта.

## II

Проблема сознания впервые возникает во всей ясности, когда ставится вопрос: каким образом из первоначальной вселенской универсальной возможности начинается процесс манифестации? Каким образом из чистого самотождества Абсолюта появляется нечто? Это, опять-таки, знаменитый вопрос Хайдеггера «почему есть нечто, а не ничто?». Традиционные метафизики обычно на это отвечают так: что, дескать, нет никакого нарушения тождества – всякий последующий нисходящий уровень всё равно тождественен своей причине, и поэтому движение манифестации есть просто реализация некоего потенциала. Если бы речь шла о проявлении бессмысленных феноменов, не обладающих жизнью и чувством, с этим, пожалуй, ещё можно было бы согласиться. Однако возникновение субъекта, который рефлективно свидетельствует не только мир вокруг себя, но и саму идею Абсолюта, ставит под удар всю стройную концепцию классической метафизики. Дело в том, что свидетельствующая рефлексия основана на нетождестве. То есть внутри манифестируемого нечто содержится преграда, о которую спотыкается универсальная идентичность. Значит, если я в данный момент воспринимаю Абсолют – по крайней мере, в его опосредованном виде, – то я не тождественен этому Абсолюту. Это сразу ставит под вопрос «абсолютность» Абсолюта и вообще всю базовую концепцию тождества. Фактически это означает, что бесконечное иллюзорно, то есть бесконечного попросту нет. Есть нечто, что позирует в роли бесконечного, но сознание является альтернативой, которая эту претензию разоблачает.

Разумеется, легко можно сказать, что сознание есть этот апофатический негатив без самостоятельного содержания, чистая пустота, которая не добавляет «Х» к универсальной возможности. Но главное ведь не это! Главное то, что эта пустота оппонирует универсальному *Всё*, не совпадает с ним и, стало быть, перечёркивает безусловный монизм вселенского тождества.

## 4. Откровение

Идея Откровения глубоко чужда традиционалистской (языческой) метафизике. Последняя строится на прямом созерцании. «Что вверху, то и внизу», – прямое созерцание фиксирует отражение неких объективных «истин» в сознании созерцающего. Поэтому метафизика не может выйти за пределы чистого Бытия, поскольку невозможно созерцать то, чего нет, то, что находится за пределами Бытия. Из этих непостижимых сфер может приходить лишь Откровение.

Но кому оно может приходить? Понятно, что подобное открывается только подобному. Сфера непостижимого и невозможного, сфера, находящаяся вне «пределов» беспредельного, вне Бытия, – это сфера чистого Духа, Духа Божьего, Святого Духа.

Этот Дух называется Святым потому, что он абсолютно отличен от «естественного» духа, принадлежащего Бытию. Бытие образует иерархию между землёй и небом. В сторону земли последовательно идут ступени уплотнения субстанции; в сторону неба субстанция становится всё более разряженной до тех пор, пока в самой высокой позиции неба она (субстанция) не совпадает с возможностью не быть ничему, то есть с простым и чистым небытием. Тем не менее и в самом верху, и в самом низу это всё – одна и та же субстанция, и поэтому разница между духом и материей в конечном счёте только в степени плотности.

Святой Дух действует вне Бытия. Он представляет собой полюс невозможного. Собственно говоря, это и есть центральный оперативный фактор Божественной Провиденциальной Мысли.

Искра или частица этой невозможности была вложена в Адама после его сотворения как глиняной куклы, представляющей собой образ и подобие самого Бытия или, что то же самое, Великого Существа. По виду Адам был как прочие твари, сделанные по общей мерке, но в тайной своей сути он является «ларцом», носителем искры Духа Божьего. Если бы не эта частица в сердце Адама, то Духу Божьему некуда и не к кому было бы обращаться.

Понятно, что эта сверхмалая частица Святого Духа имеет пассивную функцию реципиента, она играет, так сказать, «женственную», принимающую, роль, а то, что свыше обращается к этой частице – сам Дух, – обладает активной мужской позицией.

Теперь самое время коснуться одного недоразумения, существующего в мусульманской среде по поводу Святого Духа. Мусульмане, как правило, полагают, что Святой Дух – это только архангел Джибриль, выступающий как конкретная личность, которую нельзя смешивать с Рухулла – Духом Божьим. Никаких *далилей* (доказательств), подтверждающих это, не существует. На самом деле, архангел Джибриль есть персонализированная форма Духа Божьего, действующего как посредник между Духом Божьим, взятым в его чистой непостижимости, и той частицей, которая была вложена в Адама и передаётся по наследству другим пророкам, идущим от него. Таким образом, мы имеем дело со Святым Духом или, что то же самое, Духом Божьим, выступающим в трёх ролях одновременно: как активный агент Всевышнего, как пассивный реципиент, прибывающий в сердце пророка, и как персонализированный аспект этого же самого Духа в лице архангела Джибриля.

Косвенно это подтверждается тем, что именно Джибриль сообщает Марьям, что она непорочно зачала Ису (мир ему) – Иисуса, что в принципе указывает на причинную роль Джибриля именно как Духа Божьего в зачатии «нового Адама» (по аналогии с появлением первого Адама также благодаря вхождению в него Духа Божьего).

Джибриль всегда выступает в качестве того, кто несёт пророкам Слово Всевышнего, одновременно являясь этим Словом.

Клерикалы пытаются принизить Откровение, сводя его значение к простому напоминанию, как если бы содержание Откровения было присуще изначально человеку, который со временем сбивается с пути и забывает, куда и зачем он идёт. В действительности сущность Откровения в том, что это прямая поддержка Всевышнего в борьбе носителей Духа Божьего против Великого Существа, против Иблиса. Откровение становится водоразделом, где по одну сторону – толпы не принявших его (или принявших его фиктивно), а по другую сторону – «малый отряд» тех, кто последовал за этим Откровением против «глиняного» естества, против человечества как явного оппонента Творца.

Вопреки лживой доктрине клерикалов о том, что пророки посылаются как напоминающие, а Откровение есть будто бы «напоминание», дело обстоит гораздо более суровым и великим образом. Откровение есть присутствие Аллаха (Свят Он и Велик) здесь и теперь в плоскости человечества. Священный Коран – это и есть присутствие, то есть то проявление Аллаха, в котором Сам Всевышний говорит с позиции первого лица. Это то, что называется «‘анийййа» – от слова «‘ана», то есть «я» по-арабски. Всевышний обращается к людям от первого лица, потому что это то, что может быть открыто на уровне твари, которая имеет в себе частицу Рухулла, Духа Божьего.

Вне Откровения остаётся то, что Всевышний сохраняет как тайну и обозначает это третьим лицом единственного числа «хува» – «он». В арабской грамматике это местоимение подразумевает: «отсутствующий» (то есть тот, кто не участвует в диалоге). Поэтому сфера непостижимого, находящегося за пределами не только объективной реальности, но и «воображаемого» мира, называется «хувийййа» или «гайбат». И то и другое на русский язык можно перевести как «отсутствие». Диалектика двух этих полюсов – *анийййа* и *хувийййа*, «Я» и «Он» – составляет динамику божественной Мысли, которая реализуется в истории.

Откровение структурирует исторический процесс, поскольку всё происходящее получает смысл только в отношении к последовательному проявлению Откровения в цепи пророков от Адама (мир ему) до Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха). Вне отношения к этой центральной оси, вокруг которой вращается вся жизнь человечества, происходящее на земле не имело бы никакого смысла. Это подтверждается тем, что, обратившись в поисках смысла к традиционной метафизике язычников, мы там его не найдём.

Первая форма Откровения, принесённая Адаму (мир ему), была языком, без которого невозможно проявлять на человеческом уровне некоторые подлежащие проявлению аспекты охраняемой Скрижали. Язык – это базовая часть Откровения вообще, которая позволяет человечеству примкнуть в качестве последователей к пророку как к носителю Духа Божьего. Для остальных людей знание языка, то есть подключение к смыслам имён, которые Аллах (Свят Он и Велик) открыл Адаму (мир ему), – это единственный способ войти в луч Божественного Водительства, то есть, соответственно, в избранничество. Без языка невозможно духовное человечество, хотя вполне возможно существование обычного глиняного человечества, которое в Золотом веке, разрушенном с приходом Адама, обходилось вполне без языка ресурсами телепатии.

Итак, Откровение для Уммы – это ось, вокруг которой вращается всё, и прежде всего это – Закон.

## 5. Феноменология Бытия

Откровение указывает нам, что Адам (мир ему) был сделан из двух видов глины, то есть субстанции. Одна субстанция – «небесная», другая – «земная». Речь действительно идёт о полюсах внутри субстанции. Бытие рождается из точки, которая представляет собой изна-

чально принцип конечного. После этого точка проецируется в пять возможных модусов реализации конечного, которые представляют собой пять «протозеркал». Их взаимное отражение друг в друге порождает бесконечно расширяющуюся спираль зеркал, удаляющуюся от центра. Каждое «зеркало» имеет в себе два аспекта. Кстати, это легко обнаружить весьма наглядным образом на примере самого обычного зеркала. С одной стороны, зеркало является вещью среди вещей, элементом обстановки. Это один аспект. С другой же стороны, зеркало является отражающей поверхностью, в которой вторично воспроизводится вся эта обстановка. Это другой аспект. В случае феноменологии Бытия зеркала, о которых мы говорим, это, с одной стороны, состояния Бытия – то, что образует саму структуру Бытия. С другой же стороны, эти зеркала представляют собой субстанции, отражающие поверхности, на которые падает проекция всего Бытия в целом. В каждом отдельном зеркале повторяется содержание всех других зеркал. Феноменология Бытия тесно связана со структурой этой отражающей субстанции.

Каждое из зеркал представляет собой мир, который изнутри кажется безграничным. Первоначальное состояние субстанции – это минимальная плотность, минимальная мощность множества точек, что образует исходную позицию. Внутренняя динамика процессов, которые идут внутри каждого мира, направлена от разряженного к сгущённому.

Чтобы понять проблему множества точек как геометрической реальности, которая предшествует тому, что называется физической реальностью, обратимся к следующему образу. Представим себе две точки, разделённые минимальным (исчезающе малым) расстоянием, при котором эти две точки всё же не становятся одной и той же. Представим, что две эти гиперблизких точки образуют северный и южный полюса исчезающе малой сферы. Поскольку точки не имеют измерения, в это сверхмалое расстояние между двумя точками можно вставить любое количество других точек. Таким образом, сфера с исчезающе малым объёмом будет пространством неограниченного множества точек. Представим себе дальше, что мы проиндексировали каждую точку внутри этой малой сферы и спроецировали каждую проиндексированную точку на неограниченное пространство снаружи этой малой сферы. Таким образом, мы получили начальную мощность множества А. Это будет первая стадия разворачивания субстанции, при котором она имеет минимальную плотность.

Теперь проведём обратную работу. Возьмём безграничное пространство, которое представляет собой поле множества, и проиндексируем каждую точку в этом пространстве. Затем спроецируем эти индексированные точки внутрь сверхмалой сферы. Таким образом, мы получим максимальную плотность множества, которую назовём мощностью С. Два этих состояния множества А и С являются полярными состояниями субстанции: одно – представляющее собой состояние чистой энергии, другое же – состояние чистого вещества. Сверхплотное вещество, которое получило внутрь своего сверхмалого объёма все возможные точки внешнего пространства, – это «чёрная дыра», сжавшаяся до размеров атома. После этого ей остаётся только взорваться и вернуть пространство в состояние безграничного света.

Движение от А к С, собственно говоря, и составляет основу длительности, специфическую для данного мира.

Однако в мире процесс идёт не только от разряженного к сгущённому. Есть во многих частях мира и встречные процессы, начиная от сгорания полена в камине и вплоть до взрыва сверхновой, которая переходит от почти потухшего состояния тёмного карлика в источник невероятной энергии. Причём очень трудно определить, в какой мере теоретически доминирующий процесс сгущения превосходит обратный процесс разряжения. Понятно, что доминантный процесс является таковым только теоретически, – то есть на практике он может продолжаться сколь угодно долго, потому что почти равный объём вещества переходит в энергию. Если условный свидетель заходит в наш мир извне, ему вряд ли удастся определить, в какой фазе приближения к концу находится субстанция нашего мира. Собственно говоря, единственным способом посчитать эту космическую длительность является обращение ко времени

внутри человеческого фактора. Циклическое возвращение человечества, тесно связанное с ритмом космического процесса, – вот единственная форма исчисления времени.

Этот ритм обновления глиняного человечества может и должен быть нарушен усилиями избранных, действующих от имени и во имя Духа Божьего. Разумеется, это усилие должно быть поддержано прямым вмешательством Всевышнего, который для этого ближе к Концу посылает Мессию Ису (мир ему) и Махди – Ведомого, который одновременно становится ведущим. Приход Мессии и Махди прорывает инерцию глины и переводит Бытие в принципиально иное состояние.

Это состояние называется «возвращением вод Иордана», – метафорически говоря, когда воды Иордана «потекут вверх». Речь идёт о преображении всех физических законов, которые в Ветхом Бытии привязаны к принципу гравитации.

Преображённое Бытие демонстрирует потенциал позитива, который в нём заключён, и это обозначается обетованием, что Бытие с приходом Махди наполнится справедливостью так же, как до этого оно было полно гнёта и несправедливости.

В перспективе Откровение обещает нам Новую землю и Новое небо, то есть иерархию Рая, в котором не будет фактически Бытия как такового, а будет лишь тень, отбрасываемая победившим сознанием праведников. Причём эта тень будет подобна сиянию Солнца, а сознание праведников будет подобно чёрным звёздам или непроглядно-чёрной ночи. Это может показаться странным и удивительным тем, кто не понимает, что означают слова: лица праведников «будут озарены светом Всевышнего». «Непроглядно-чёрная ночь» – это и есть подлинный свет Непостижимого, который открыл себя для обитателей Рая. А внешнее бытие вокруг праведников – сады, тропинки, плоды и так далее – это сверкающее сияние, которое в условиях Новой земли и Нового неба будет тенью.

## 6. Революция пророков

### 1

Все пророки нашего человечества располагаются на единой временной оси и исходят от Адама (мир ему). Клерикалы учат, что Адам был первым человеком в биологическом смысле, «праотцем». В действительности это не так. Он был первым человеком и праотцем в духовном смысле. Исламская традиция определяет его статус как первого пророка, принадлежащего к числу шести великих. Великие пророки – это: Адам, Нух, Ибрахим, Муса, Иса, Мухаммад (мир и благословение им всем). Каждый из этих шести пророков обозначает специфический этап в жизни человечества. Они разделены огромными сроками между собой. Так, например, от Ибрахима (мир ему) до нас свыше 4000 лет, а от Нуха (мир ему) опять же до нас около 13 000 лет.

Какова же временная протяжённость истории пророков? Коран говорит: «День Аллаха 50 000 лет». 50 000 лет – это время между первым пророком Адамом (мир ему) и последним пророком Мухаммадом (да благословит его Аллах и приветствует). Пророческий цикл, внутри которого происходит обновление Откровения – это и есть «день», то есть световое время.

Однако кроме «дня» есть ещё «рассвет» и есть «вечер». […] Время рассвета – первая часть Золотого века, когда «глиняное» человечество не знало забот и существовало в состоянии блаженства в совершенном слиянии со средой. Они не знали языка и общались с помощью телепатии. В этом плане они походили на рой пчёл. Кстати, после утраты этих свойств Золотого века способности того человечества сохранились в виде частичных отблесков среди различных животных. Некоторые психофизиологические свойства стаи, которые присущи, например, обезьянам или волкам, – это явный отголосок способностей «перволюдей».

После многих тысяч лет беспроблемного существования Всевышним был ниспослан к ним пророк Адам (мир ему), которого до этого Творец обучил языку («открыл имена вещей»). При этом надо сказать, что возникли и сами вещи, ибо «когда Аллах хочет, чтобы какая-то вещь была, Он говорит ей: Будь! – и она бывает». Говорит ей «Будь!» – это и есть создание имени, которое совпадает с сутью вещи. Адам (мир ему), спустившись к людям, учит их не только именам в нашем понимании, – он с каждым именем открывает людям вещи, о которых они не подозревали и которых просто не было в их мире. Дело в том, что доязыковое человечество, лишённое присутствия Духа Божьего, имело общение с субстанцией напрямую. А это значит, что оно жило под покровом хаоса, который был для человечества подобен благодатной ночи для зародыша в утробе матери.

То, что открыл человечеству Адам (мир ему), было первой базовой революцией пророков. Кончилось состояние блаженной эйфории. Разорвалась прямая связь с субстанцией, которая заменилась свидетельствованием вещей, связанных в определённый миропорядок. Этот миропорядок сразу же оказался враждебным для человека: огонь жёг, солнце палило, дождь хлестал по неприкрытым телам, мороз высасывал силы. Естественно, большинство людей страстно захотели назад – в состояние первобытного комфорта. Увы, это было невозможно, потому что они уже знали язык, – само существование языка было преградой на пути назад подобно тому, как *барзах*[16] является преградой для возвращения из мёртвых. Поэтому эта ориентированная на комфорт часть человечества (подавляющее большинство) подчинилась тем из людей, кто в какой-то степени, несмотря на знание языка, сохранил живую и действенную память о Золотом веке. Эта память превратилась в тайное знание, с помощью которого посвящённые могли возвращаться в состояние, предшествующее появлению пророков.

Такое подчинение носителям тайного знания (жрецам) образовало общество. Общество – это особый феномен, обладающая сверхчеловеческим потенциалом иерархическая структура, которая представляет здесь на земле «интересы» Бытия. Бытие же враждебно Духу Божьему, враждебно Провиденциальному Замыслу, поскольку оно есть антитеза Мысли. То есть, коротко говоря, общество есть инструмент Бытия, проекция Бытия в зеркале нашего мира, – институт, организующий сопротивление Всевышнему и объединяющий все силы, которые Всевышнему враждебны. Общество – это тень Иблиса на земле. Процесс истории, процесс переформатирования человечества представлял собой не что иное, как универсализацию, глобализацию общества, всё больше и больше захватывающего и подчиняющего себе человеческий фактор.

Однако с появлением Адама (мир ему) возникли не только двуногие, стремящиеся к комфорту и подчиняющиеся жрецам. Вокруг пророка сложилась небольшая часть тогдашнего человечества, которая последовала за его призывом и увидела в языке не только средство коммуникации, заменяющее телепатию. Эти избранные люди приняли язык как аппарат мышления, с помощью которого они могли выразить Замысел Всевышнего, что был поручен для исполнения человеку как наместнику.

В процессе истории пропасть, разделявшая «малый отряд», последовавший за пророками, и основное человечество, подчинившееся жрецам, становилась всё шире. Джамаат, ставший на платформу подлинного монотеизма, превратился в маргинальную оппозицию, которая практически уже не могла влиять на центральный ход событий. При этом возможности подчиняющегося жрецам человечества в магическом плане только убывали. Оно становилось дальше от первоистока и перешло из Золотого века в Серебряный, а затем и в Бронзовый.

Всё это время к человечеству продолжали приходить пророки, но сфера их влияния носила локальный характер, и их возможностей хватало лишь на то, чтобы поддерживать и укреплять «малый отряд», защищать его от растворения в «большом» языческом челове-

---

[16] Барзах – жизнь после смерти, а также место, где пребывают души умерших до Судного Дня.

честве. В конце концов, раскол между двумя этими направлениями человеческого фактора достиг такой интенсивности, что Всевышний послал второго великого пророка – Нуха (мир ему). Он был послан в середине Бронзового века и около тысячи лет проповедовал окружающему его обществу монотеистическую идею. Однако безуспешно! Тогдашние люди овладели огромными возможностями по использованию физического мира в своих интересах. Им вскружил голову титанизм, и они полагали себя «контролёрами» и «архитекторами» бытия. Пророк Нух (мир ему) получил от Аллаха (Свят Он и Велик) приказ готовиться к потопу.

Миссия Нуха (мир ему) заключалась в том, чтобы быть свидетелем и организатором обновления человечества. Биологическая масса, которая генетически шла от полуживотных доязыковой эпохи, утратила всякий шанс на превращение в подлинных адамитов. В новое послепотопное человечество должны были войти лишь избранные, хотя и они, как показала последующая история, не были застрахованы от порчи.

Как известно, пророк Нух (мир ему) построил ковчег, где спаслись те, кто должен был принять участие в следующих актах человеческой драмы в соответствии с божественным Замыслом.

[...]Следующим великим пророком был Ибрахим (мир ему). Фактически он открывает эпоху «Большой современности». Его приход и его миссия знаменует появление нынешнего человеческого алгоритма, внутри которого существует современный диалог между людьми и теми идеологическими позициями, на которые они встают. Пророк Ибрахим (мир ему) впервые даёт революции непосредственно земное человеческое измерение. Если до этого революция на человеческом уровне была прямым вмешательством Всевышнего (язык и разрыв с телепатическим прошлым, потоп и обновление человечества), то с Ибрахимом (мир ему) приходит противостояние пророка и царя. Царский статус на этом этапе истории представляет собой прямой инструмент жречества – это персонифицированное воплощение Бытия, то есть Иблиса, на земле. Пророк, возглавляющий «малый отряд», становится лидером партии Аллаха, которая бросает вызов царским прерогативам, – в первую очередь попытке контролируемого жрецами смертного существа узурпировать статус Бога в сознании подданных.

С Ибрахимом (мир ему) революция пророков приобретает человеческое лицо, длительность превращается в Историю (длительность – коллективное человеческое время). Именно благодаря Ибрахиму (мир ему) возникает понятие «ислам», которым определяется следование монотеистическим путём. Согласно Корану, Ибрахим (мир ему) был ханифом и основоположником той духовной линии, триумфальным завершителем которой стал последний пророк человечества Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха).

Ибрахим (мир ему) распахнул в политическом смысле ворота для пришествия нового божественного посланника – Мусы (мир ему). Миссия Мусы (мир ему) заключалась в том, что он выдвинул на авансцену мировой истории первый строго политический джамаат, который противопоставил себя в открытой форме всему остальному человечеству. Это стало возможно благодаря тому, что пророк Муса (мир ему) имел прямой контакт с Аллахом (Свят Он и Велик) – непостижимым трансцендентным Субъектом, который, сохраняя всю полноту сокрытости, дал Мусе (мир ему) Скрижали как свидетельство этого парадоксального контакта.

Следует сказать, что этот контакт, логически и физически невозможный, но тем не менее абсолютно реальный, явился продолжением контакта, который был у Ибрахима (мир ему) с Аллахом, когда пророк получил от Всевышнего приказ пожертвовать первенцем. На пике повиновения своего отца Божественному повелению Исмаил – прародитель будущих арабов – был заменён жертвенным животным, и это животное стало в некотором роде предшественником и предвестием Скрижалей, полученных дальним потомком Ибрахима (мир ему) Мусой (мир ему) на горе Синай.

Важнейшей политической акцией пророка Мусы (мир ему) было не вождение евреев 40 лет в пустыне, как считают многие, а вручение мечей левитам и истребление всех тех, кто

поклонился золотому тельцу во время восхождения Мусы (мир ему) на Синай. Число казнённых левитами составило больше половины еврейского народа. Это первый пример религиозно мотивированной гражданской войны, которая определила суть всей последующей мировой политики до конца истории: беспощадное кровопролитие между теми, кто исповедует культ Маммоны, и теми, кто стал «‘абдаллахами», то есть рабами Непостижимого и пребывающего вне аналогий Субъекта.

Любимый пророк Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) – предшествующий ему великий пророк Иса (мир ему) – был послан в мир как завершитель человеческого цикла, как новый Адам. К нему можно отнести выражение «альфа и омега»: если «альфа» – это первая буква греческого алфавита – первый Адам, то «омега» – последняя буква, завершающий «Адам» в лице Исы (мир ему).

Миссия пророка Исы (мир ему) в еврейском пространстве была, прежде всего, восстановлением ислама Мусы (мир ему), восстановлением шариата, полученного Мусой (мир ему) на Синае. Еврейство к тому времени давно заменило ислам Мусы (мир ему) «иудаизмом», который был сфабрикован вавилонскими жрецами во время увода евреев в плен приблизительно за шесть веков до новой эры. Эта пророческая миссия не завершилась успехом, поскольку вместо восстановления закона Мусы (мир ему) возникло историческое христианство, представляющее собой синкретическую псевдорелигию, где эллинизм смешан с зороастризмом и митраизмом, но изложен в терминах библейского иудейского дискурса. Эта синкретическая доктрина с греко-иранскими корнями превратилась в истинного оппонента монотеизма и наиболее жестокую духовно-деструктивную силу всемирного криптоязычества. Достаточно сказать, что колониализм с его тотальным варварским геноцидом, уничтожившим многие десятки миллионов практически беззащитных человеческих существ, – это прямой продукт христианского общества с его беспредельным фарисейством, ханжеством и беспощадностью.

Тем не менее, миссия Исы (мир ему) не могла быть напрасной, ибо он был пророк Аллаха. Он ускользнул от евреев, пытавшихся его убить, что символически означает утрату евреями связи с адамическим наследием. Кроме того, миссия Исы (мир ему) выразилась в создании предпосылок для завершения «пятидесятитысячелетнего пророческого дня» и явления последнего в истории человечества пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха).

Шестой фигурой полного пророческого цикла является последний пророк человечества Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха). Это единственный из пророков, чей священный текст, во-первых, является прямой речью Всевышнего. Во-вторых, этот текст дан человечеству с обещанием Аллаха (Свят Он и Велик) сохранить его до Судного Дня без искажений вплоть до последней точки. Этот текст представляет собой целостное послание, переданное без вмешательства человеческого фактора.

Напомним, что первые Скрижали, которые Аллах (Свят Он и Велик) открыл Мусе (мир ему), были последним разбиты в приступе гнева по возращению с горы Синай, когда он застал евреев за поклонением золотому тельцу. После этого вторая, сокращённая, версия, полученная Мусой (мир ему), стала объектом человеческого воздействия, искажений и изменений, в результате чего Тора содержит зачастую по две версии изложения одной и той же темы с взаимоисключающим внутренним посылом. Мы не говорим уже о том, что в так называемом «Ветхом Завете» есть антропоцентрические утверждения, идущие вразрез с духом и буквой пророческой традиции, – как, например, утверждение о том, что человек есть «образ и подобие Божие».

Послание, переданное от Аллаха (Свят Он и Велик) последним пророком (мир ему и благословение Аллаха), свободно от всяких искажений и добавлений, несмотря на непрерывные попытки в течение 1400 лет исказить и разрушить Слово.

Благодаря деятельности Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) и его сподвижников (да будет над ними милость Аллаха) монотеизм стал глобальной темой, стержнем большой

истории. На протяжении достаточно длительного периода ислам сам выступал в роли «мирового порядка», не имеющего альтернативы. Конечно, с точки зрения политического ислама, с точки зрения стратегии Духа в его борьбе против Иблиса, такая ситуация была ошибочной. Задача ислама – это борьба с мировым порядком, а не превращение в одну из его версий. Расхождение между истинной задачей ислама и тем, что фактически было реализовано в истории, определило слабость ислама как «цивилизации», слабость административной государственной структуры, в которую превратился исламский образ жизни. Заимствовав языческие модели политического самовыражения, ислам должен был проиграть мировому язычеству, которое, во-первых, не имело внутренних противоречий между идеологическим содержанием и политической формой; а во-вторых, язычество имело огромный опыт тиранической государственности (в первую очередь Рима), в то время как ислам вынужден был заимствовать государственные механизмы у своего врага. Достаточно сказать, что эта слабость в использовании чужого и враждебного опыта проявлялась впоследствии на гораздо более мелких и периферийных примерах. Так, попытка создать государство по образцу языческой имперской администрации привела к поражению Имамата Дагестана и Чечни, несмотря на то что им руководил великий имам Шамиль (да будет над ним милость Аллаха).

Исторические ошибки, которые исказили путь политического проявления ислама в истории в эпоху, последующую за праведными халифами, – это отход от Сунны пророка (мир ему и благословение Аллаха), от той идейной базы, которая заключается в его Сират (примерах, основанных на его жизнеописании). Сегодня перед мусульманами стоит задача очищения исторического опыта ислама от искажений и заимствований чужеродного и враждебного материала. Это новое и одновременно подлинное понимание Сират Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха), новое и одновременно подлинное прочтение Сунны. Новое не означает здесь бида‘ат, то есть инноваций, вводимых человеческим фактором, «новое» – это восстановленный оригинал пророческого смысла с учётом всего предшествующего опыта и с ориентацией на завершение человеческой истории.

## 2

Концепция «ожидаемого Махди» есть во всех направлениях и школах мысли ислама, но раскрывается принципиально по-разному. Так называемые «шииты» узурпировали само ожидание Махди, превратив «махдизм» в идею сокрытия при жизни на определённо долгий срок.

По сути, эта концепция является калькой с доктрины о живом Исе (мир ему), взятом в теле «на небо». То есть в состояние той сверхтонкой субстанции, которая соответствует пятой модальности конечного, – возможность не существовать ничему.

Политический ислам отвергает это теоретизирование вокруг «ожидаемого» Махди, который якобы существует всегда и надо лишь дождаться его прихода. На самом деле «сокрытие» Махди эквивалентно его простому и непосредственному отсутствию. Всевышний пошлёт мусульманам Ведомого в тот момент, когда Умма будет этого достойна. Он будет соответствовать описаниям, содержащимся в Сунне пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха), но явится как выражение творческой энергии Божественного Замысла, а не как предопределённая личность, существующая бок о бок с нами, ожидая момента выхода на сцену. Ожидаемый Махди может быть, а может не быть, – в зависимости от качества нашего коллективного имана. Именно здесь содержится та амбивалентность, та неустойчивая «шарнирность» человеческого существования, на которых зиждется исламский вызов Бытию.

# 7. История

## 1

История как явление является решающим аргументом практически всех идеологий. При этом понимании история жёстко различается в зависимости от политико-идеологического круга. История в понимании либералов – это линейный процесс, который идёт от минимума к максимуму. Причём предметом роста по их формальным представлениям являются материальные блага, даваемые ими комфорт и так называемые разнообразные «возможности». Сочетание этих трёх позиций – блага, комфорта и возможности – образует феномен человеческой свободы, – опять-таки в понимании либералов. Иными словами, либеральный концепт истории представляет бесконечную длительность, сутью которой является неограниченное возрастание свободы. Естественно, когда либерал переходит к конкретизации того, что он понимает под свободой как следствием блага, комфорта и возможностей, он переходит к откровенному баналу, ярким примером чего является идея свободы выбора. В частности, в сфере потребления.

Независимому от либеральной идеологии уму ясно, что сведение свободы к проблеме выбора есть откровенная идиотизация вопроса. Достаточно простой ссылки на то, что выбор всегда обусловлен причинами, находящимися вне выбирающего: воспитание, психологические травмы, матрица и тому подобное. То есть, иными словами, любой выбор есть поведение отражения в зеркале, которая безусловно зависит от поведения оригинала перед зеркалом.

# Конец ознакомительного фрагмента.